

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

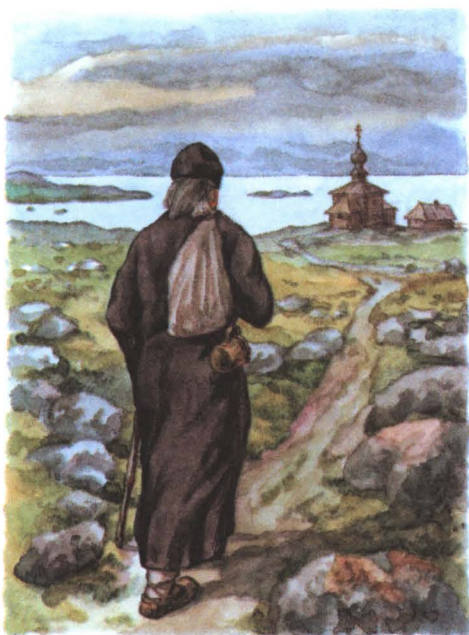
*Рекомендовано Министерством общего и профессионального
образования РФ для дополнительного образования*

Книги серии
ИСТОРИЯ РОССИИ
издательства «Белый Город» признаны
лучшими книгами 2000 года

Виктор Калашников

Предсказатели и пророки

Иллюстрации Александра Чаузова

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2002

«РОССИЯ — НАВСЕГДА!»

В этой книге мы расскажем о четырех очень разных людях. О городском нищем, чьим именем назван величайший храм в самом центре российской столицы. О графе, государственном деятеле, ученом, фельдмаршале, потомке шотландских королей, за которым закрепилась недобрая слава колдуна и чернокнижника. О странствующем монахе, который смело говорил правду императорам. И о несчастной женщине, умершей в неизвестности. Все они жили в разное время. Никогда не встречались и, возможно, даже не подозревали о существовании друг друга. Что же у них было общего и почему рассказы о них мы объединили в одной книге? Все они: Василий Блаженный, Яков Брюс, Амель и Ксения Петербургская — были великими провидцами России. Им, в отличие от других людей, дано было видеть горести и радости, которые ожидают нашу Родину в грядущем. Мало счастья принес им этот дар. Ведь все хотят знать только хорошее, а в плохих известиях винят прорицателей. За правду они и пострадали — каждый по-своему. Их жизни превратились в легенды. Только после смерти этих людей стало очевидно их главное пророчество: вслед за бедами и неудачами Россию ожидает великое будущее. В этом-то они и были едины — Василий Блаженный, Яков Вилимович Брюс, Амель и Ксения Петербургская.

ВАСИЛИЙ БЛАЖЕННЫЙ

Иван Грозный сидел на троне в глубокой задумчивости, хмурился, думая о своей воле бояр, а потому и не вслушивался в то, что ему рассказывал митрополит Московский и всея Руси Макарий:

— ...И вот что случилось еще при батюшке вашем, великом князе Василии Ивановиче.

Поздним вечером, когда в храмах уже окончились службы, а люди готовились лечь спать, блаженный Василий направился в Кремль. Остановился он у северных ворот Успенского собора, опустился на колени и начал молиться тихим голосом: «Господи, спаси люди твоя...» Тут вдруг случилось чудо невиданное: двери храма, словно сами собой, отворились, раздался шум, похожий на шорох многочисленных крыльев, а затем как бы загрохотали отдаленные громы. Белое негорячее пламя вырвалось из дверей и окон храма, от одной стены к другой полетели огни, освещая все вокруг. Стало светло, как днем. Озарилась чудотворная икона Богородицы Владимирской, и послышался голос: «Много грешат жители столичного града! Уйду от вас, удалюсь от стен Москвы!» Собравшиеся вокруг храма люди закричали: кто от страха,

а кто от отчаяния. Лишь один блаженный, будто ничего не замечая, продолжал молиться, повторяя все громче: «Господи, спаси люди твоя!» Постепенно исчезли летающие огни в храме, стихли шумы, сами собой закрылись двери Успенского собора. Люди разошлись, остался лишь один Василий, который продолжал молиться за спасение всех своих земляков...

Наконец царь, очнувшись от невеселых дум, спросил:

— Да ты про кого рассказываешь-то мне, отче?

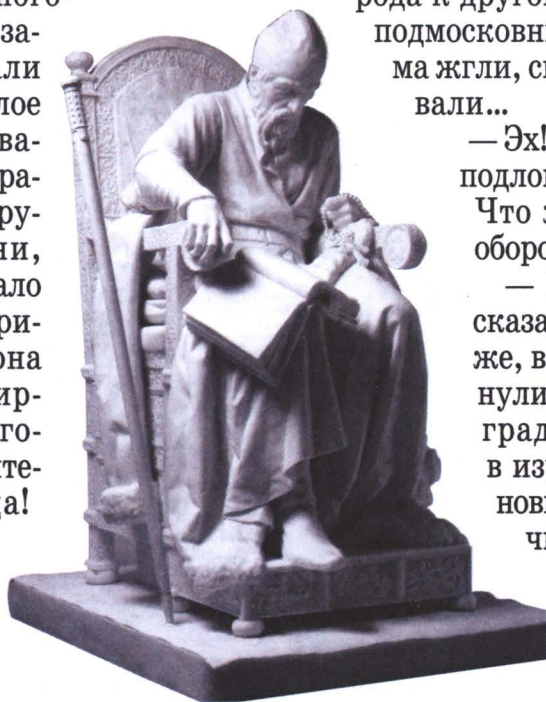
— Про блаженного Василия, святого нашего московского, — ответил Макарий.

— Что-то я не пойму, — покачал головой Иван Васильевич. — Ну молился он у храма, ну привиделось ему... что ж в этом чудесного?

— А вот послушай дальше, царь и великий государь, — продолжил митрополит. — Вскоре крымские и казанские татары во главе с ханом Махмет-Гиреем вторглись в Россию. Шли с грабежами и пожарами от одного русского города к другому. Добрались уже до подмосковных сел, и тут то же: дома жгли, скот резали, людей убивали...

— Эх! — стукнул кулаком по подлокотнику трона царь. — Что ж, некому было Русь оборонить от супостатов?!

— Было, было кому, — сказал Макарий. — Слушай же, великий государь. Двинулись татары к стольному граду Москве и здесь в изумлении и страхе остановились. Увидели они бесчисленное войско, которое рядами уходило до

*М. Антокольский
Иван Грозный*

самого горизонта. Суровы были лица воинов, остры мечи, сверкающие на солнце, грозны копья! Кому по силам сразиться с такой бесчисленной ратью? Потому татары немедля повернули своих коней и во всю прыть поскакали прочь — не только от стен Москвы, но и за пределы Русской державы.

— Что же это было за воинство? — спросил Иван, не скрывая довольной улыбки.

— Было то воинство небесное. Только скрылись враги, как растаяла бесчисленная рать. Многие москвичи то чудо видели и удивлялись ему.

— Выходит, что Москва получила заступничество молитвами блаженного Василия?

— Выходит, что так, — кивнул Макарий.

— Красивая сказка, — ухмыльнулся Иван Грозный. — Слишком красивая, чтобы быть правдой.

— Да если б она одна, а то ведь много еще чудес совершил наш святой! В год вашего венчания на царство, 21 июня, пришел Василий к Воздвиженскому монастырю и стал проливать слезы, предвещая большой пожар в Москве...

...Однажды Василий шел по улицам Китай-города. Мягко ступал босыми ступнями по бревенчатому настилу мостовой. Ком грязи, брошенный меткой рукой, пролетел в воздухе и сильно ударил блаженного в грудь.

— Эй, дурак, как угощенье, по нраву? — закричали уличные мальчишки.

Василий испуганно вздрогнул, прикрыл рукой ушибленное место.

Мальчишки заулюлюкали, засмеялись.

На шум выглянула из окна толстая купчиха. Раздвинула кусты герани на подоконнике, посмотрела на святого и позвала кого-то в комнату:

— Ваня, ты глянь! Вон дурень по улице гуляет, народ своим видом смущает!

И зло сплюнула.

Появившийся рядом с ней муж, прикрикнул на купчиху:

— Нечего тебе тут делать! Поспешика лучше с обедом. — Потом пригрозил Василию: — Пошел прочь отсюда! А то собак спущу!

И с силой захлопнул оконные створки.

Мальчишки, окружив блаженного, стали строить ему рожи: высовывали языки, пальцами делали «рожки» — чертей изображали. Ужаснувшись, Василий повернулся и быстро пошел прочь.

— Держи его, держи! — кричали мальчишки вдогонку.

Зайдя за угол, блаженный остановился, привалившись к стене, с трудом отдыхался, подумал о своих гонителях: «Господи, прости их, ибо не ведают, что творят! И как не видят, сколь уродливы они в гневе? Как похожи на демонов, которых изображают! Господи, прости им прегрешения их, вольные и невольные...»

Долго он молился, пока не успокоился. Затем снова пошел по улице. Болела ушибленная грудь...

— Да кто он таков, этот блаженный, про которого ты мне рассказываешь? — почти в гневе вскричал Иван Васильевич. — Существует ли он на самом деле?

Макарий открыл было рот, чтобы обстоятельно ответить на вопрос царя, да не успел: дверь зала распахнулась, вошел думный дьяк и, отвесив земной поклон, возвестил:

— Царь и великий государь! Посольство к тебе от шаха персидского. Велишь принять?

— Пусть войдут, — кивнул Иван Грозный, а потом тихо прибавил, обращаясь к митрополиту: — О Василии после мне поведаешь.

Персидские посланники вошли с поклонами, передали дары от шаха и письмо, а затем через толмача-переводчика рассказали удивительную историю о своих приключениях на море.

«Св. Василий Блаженный» Икона. XVII век

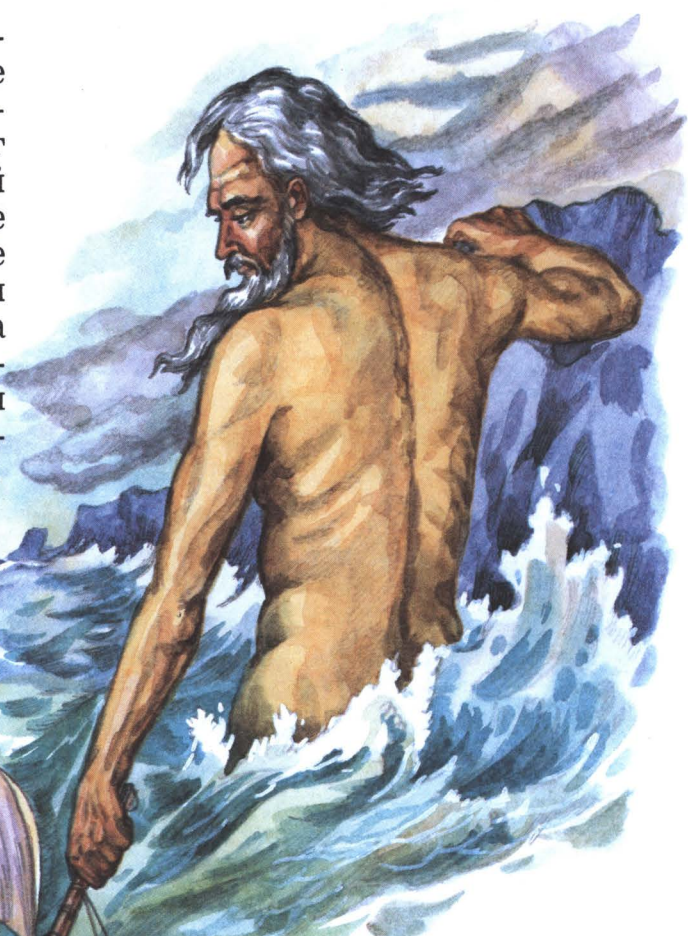
Василий Блаженный (1464—1552) — фамилия не известна, Блаженный — прозвище. Родился в московском районе Елохово, в Басманной слободе, у пожилых крестьян Якова и Анны. Родители долгие годы ходили молиться в соседнюю с их домом церковь Владимирской Богоматери, чтобы Господь послал им наследника. Сына Василия они отдали учиться сапожному ремеслу, и уже тогда у него появился дар предвидения.

Однажды к Василию пришел заказчик и попросил смастерить крепкие сапоги, чтобы хватило на много лет. Молодой сапожник в ответ сказал загадочно: зачем заказывать сапоги на много лет, если человека завтра же может настичь смерть. Так и случилось...

В 16 лет Василий оставил родной дом и стал блаженным, или юродивым, Христа ради — так называли тогда нищих святых.

Василий Блаженный, как и многие святые на Руси, не имел своего дома, терпел холод, голод и оскорбления, но вскоре все убедились в его святости, даре предвидеть будущее и творить чудеса и стали относиться к нему с уважением. Он прожил на свете 88 лет и умер 2 августа 1552 года.

Взяли они на борт своего корабля русских купцов и с ними вышли в плавание в море Каспийское. Вначале плыли, подгоняемые попутным ветром, но вдруг неожиданно начался шторм, да такой силы, какой персидским морякам еще видывать не приходилось. Огромные волны поднимались выше мачт корабля и падали на палубу, смывая людей за борт. Скрипели снасти, опасно накренилась и рухнула, круша все на своем пути, мачта. В днище образовалась пробоина, вода устремила в трюм. Персы усердно молились своему богу, но просьбы о помощи не достигали небес. Гибель казалась неизбежной. И тут один из русских купцов, который знал персидский язык, прокричал капитану: «Есть у нас блаженный Василий, который всегда

приходит на помощь тем, кто оказался в беде. Молитесь ему вместе с нами!» Не успели стихнуть слова молитвы, произносимой на двух языках, как среди бушующих волн появился обнаженный седой великан. Русские закричали от радости, персы — от страха. «Мои люди говорят, что это повелитель морей пришел взять наши жизни, — перевел капитан купцу. — Где же ваш святой, почему не спешит к нам на помощь?» — «Да ведь это он и есть! Наш Василий!» — прокричал в ответ русский купец.

Великан огромной рукой взял корабль за мачту на носу и потащил за собой, выводя из шторма. Прошло несколько минут, и стих ветер, утомонились волны. Вновь засияло ласковое солнце, в пару-

Макарий (1482—1563) — митрополит Московский и всея Руси, церковный и культурный деятель.

Монахом стал в Пафнутьевом Боровском монастыре. В 1526 году стал новгородским архиепископом, а с 1542 года — митрополитом Московским и всея Руси. Иван IV (Грозный) всегда отзывался о нем с уважением. Макарий основал первую московскую типографию по печатанию церковных книг, которая после его смерти была разгромлена религиозными фанатиками. Собрал все существовавшие в то время в России священные книги и издал их в сборнике «Великие Минеи Четьи». Составил 60 жизнеописаний русских святых. Является автором многих религиозных произведений, в которых отстаивал главенство Москвы как столицы России.

са подул попутный ветер. А великан исчез, не дожидаясь благодарности от спасенных им людей, русских и персов.

Иноземцы же, возвратясь на родину, рассказали шаху о чудесном спасении. Тот слушал с недоверием, но поскольку купцы и моряки твердо стояли на своем, решил написать о случившемся русскому царю.

Вот что рассказал персидский посланник, а русский толмач перевел царю.

И тут вперед выбежал один из иноземцев, капитан корабля, и начал что-то возбужденно говорить, забыв, что царь его языка не понимает.

Стражники, скрестив алебарды, преградили путь персу, хотели было оттолкнуть его, но Иван Грозный движением руки остановил их и кивнул переводчику: о чем, мол, говорит иноземец?

— Да вот, царь-батюшка, — замялся было толмач. — Тут такое дело вышло...

— Ну? — грозно сдвинул брови Иван Васильевич.

— Как приехали персы в наш стольный град, так увидели на улицах своего спасителя. Был он обнажен, волосы имел седые, телосложения худого, роста нормального, не огромного... Словом, признали в нем Василия Блаженного. Хотели к вам отвести — то ли как доказательство, что чудо и вправду было, то ли чтобы святого наградить. Да только убежал он от них, скрылся в толпе.

— Тьфу ты! — царь пристально посмотрел на митрополита: нет ли у того сговора с иноземцами? Все ему про Василия говорят!

От гневного царского взгляда многие бледнели, предчувствуя беду. Макарий лишь улыбался, кивая услышанному: «Все верно. Василий еще не такие чудеса сотворял».

Хмыкнул царь недоверчиво, а про себя подумал: «Может, и не врут персы? С чего бы им нашего блаженного благодарить?»

... Тем временем Василий, едва убежавший от иноземных посланцев, шел

мимо торго. Как обычно, не видел и не слышал ничего вокруг. Встрепенулся только, когда долетел до него девичий смех. Девицы показывали на него пальцами и хихикали.

— Смотри, едва наготу прикрыл, а вышагивает важно, будто боярин на прогулке!

— А что, и я так же могу! — сказала одна из девушек и изобразила, как шла бы по улице, покачивая бедрами.

И все в голос рассмеялись.

То, что терпел Василий от уличных мальчишек, от толстой купчихи, не мог простить насмешникам. Решил проучить их, чтобы впредь неповадно было: лишь дунул в их сторону и пошел дальше. А девушки вмиг ослепли, закричали в страхе! Лишь одна, поняв причину случившегося, кинулась следом за блаженным, тут же споткнулась, упала, но

поднялась и снова заспешила, выставив перед собой руки, чтобы не наткнуться на прохожих.

— Погоди, святой человек! — крикнула она. — Прости меня, неразумную.

И чуть было вновь не упала, да поддержал ее Василий.

— Вправду ли ты раскаиваешься? — спросил он у нее.

Девушка молча кивнула и перекрестилась.

— Будешь ли и впредь смеяться над нищими и убогими людьми, которым свою наготу и прикрыть-то нечем? — продолжал расспрашивать блаженный.

— Нет, никогда! — воскликнула девушка.

— Если правду говоришь, то прозреешь, — пообещал он и, обхватив лицо девушки ладонями, подул ей в глаза. Будто теплый весенний ветерок повеял —

и тут же зрение вернулось к девушке. От радости она засмеялась, захлопала в ладоши, но тут же спохватилась:

— Благодарю тебя, добрый человек! Но как же мои подруги? Ведь они еще слепы! Умоляю, верни им зрение, они никогда больше не будут смеяться ни над тобой, ни над другими. Пожалей их!

— Это хорошо, что ты просишь за других, — улыбнулся Василий. — Если правда то, что ты о них говоришь, то и подруги твои прозреют.

Вместе они вернулись к рынку и застали там плачущих девушек. Блаженный подошел к одной из них, дунул в глаза, и девушка тут же вскрикнула:

— Вижу, слава тебе, Господи!

То же произошло и с остальными. Они кинулись благодарить Василия. И, хотя зрение вернулось к ним, они не замечали наготы блаженного...

...Когда царь и митрополит остались одни, Макарий, видя задумчивость Ивана Васильевича, хотел было удалиться, но тот остановил его:

— Погоди, отче... Я еще хотел тебя спросить о блаженном Василии. Он что же, всегда приходит на помощь страждущим?

— Приходит. И многое ему подвластно, — согласно кивнул митрополит. — Но Василий может и покарать за сознательную ложь, за лукавство!

— Как? Этот безобидный святой может карать?

— Есть у блаженного один знакомый вельможа, богатый, но добрый человек. Однажды блаженный пришел к нему в дом. Стояла зима, были лютые морозы, а Василий, как обычно, ходил раздетым. Вельможа, увидев это, снял с себя лисью шубу, протянул ее святому со словами:

— Прошу тебя, возьми этот скромный дар.

— Ты действительно хочешь, чтобы я его принял? — спросил блаженный.

— Да, очень хочу. Сердце кровью обливается, когда я вижу, что ты в такой мороз ходишь нагим!

— Спасибо за подарок, что даришь мне от чистого сердца, — поблагодарил Василий и, улыбнувшись, обнял вельможу.

Приняв подарок, он пошел по улицам города. Люди, видя на нем богатую шубу, удивлялись: откуда она у нищего? Нашлись и такие, что решили хитростью выманить ее у блаженного. И вот один из лиходеев, прикинувшись мертвым, лег на дорогу, а двое других кинулись к Василию с криками:

— Горе-то какое случилось! Умер наш товарищ! Лежит на дороге, а нам его прикрыть нечем! Святой человек, отдай нам свою шубу, не оставлять же нам своего товарища не покрытым!

Василий посмотрел на них внимательно и сразу догадался об их коварстве — многое было ему открыто. А поняв, тяжело вздохнул: печально было ему видеть ложь и жадность человеческую. Да и со смертью никому не позволено шутки шутить!

— Давно ли умер ваш товарищ? — спросил он у обманщиков.

— Да только что! Вот сейчас упал посреди дороги и сразу же умер! — ответили те.

— А точно ли он умер? — продолжал расспрашивать Василий. — Может, заболел?

— Точно, точно! Уж и сердце биться перестало! — закивали они.

Блаженный удрученно вздохнул и, сняв с себя шубу, накрыл мнимого мертвеца. Затем возложил на него руки и промолвил:

— За свое коварство будь ты отныне мертв навеки.

Поднялся и ушел прочь.

Когда он удалился, мошенники принялись тормозить своего товарища:

— Вставай! Дурачок уже ушел! Шуба теперь наша!

Но тот лежал, будто и вправду умер.

— Да поднимайся же, хватит ваньку валять! — кричали они, и тревога была в их голосах. Потом подняли шубу, приложили ухо к груди, а он и не дышит: умер на самом деле...

— Поделом! — крикнул в сердцах царь и ногой пристукнул об пол. — Собаке и смерть собачья!..

...Из окон купеческого дома слышны были пьяные крики, глумливый смех да ругань. По всему видать, гуляли купцы, выгодную сделку праздновали. Люди, проходя мимо того дома, лишь вздыхали да мимо спешили: кому понравится пьяная брань?

Лишь блаженный Василий подошел к тому дому, преклонил колени да поцеловал угол, затем, обойдя дом с другой стороны, и второй угол облобызал.

Прохожие удивлялись: что ж это Василий делает? Купцы в загуле, а он их дому кланяется! Решили проследить за блаженным: что он дальше будет делать.

А он, перейдя на другую сторону улицы, остановился перед другим домом, из окон которого доносились слова молитвы Господу. Поднял Василий с земли камень да и кинул его в угол того дома! Тут уж любопытные не выдержали, пристали к блаженному с вопросами:

— Ты что ж такое делаешь, Василий? В богомольный дом камни бросаешь, а дом, где разгул и пьянство, целуешь?

— Да как же вы не видите! — воскликнул Василий. — В доме, где пьянствуют, все ангелы по углам ютятся, сердешные, вот я им и поклонился, поцеловал их. А из дома богомольного сбежали все черти, тоже в углах сидят, вот я их камнями-то и угостил!

— Да где ж ты ангелов с чертями увидел? Не придумал ли? — сомневались люди.

— А вы, что же, в ангелов не верите, раз увидеть их не можете? — удивился блаженный.

И, пристыженные, москвичи поспешили убраться подальше.

...Встал с трона Иван Грозный и повелел митрополиту:

— Много я от тебя слышал о блаженном Василии, да и другие мне уши о нем прожужжали. Потому и приказываю: приведи ко мне святого, хочу сам его повидать и в святости его убедиться!

Царское желание было исполнено, доставили к нему Василия. Иван Васильевич встретил его приветливо, велел подать чашу вина, чтобы святой испил за царское здоровье. Блаженный чашу принял, но пить не стал, а, подойдя к окну, вылил вино на улицу в три приема.

— Так-то ты поступаешь с царским угощением?! — вскричал Иван Грозный. — Так-то ты к своему царю относишься? Да я за меньшие проступки головы с плеч снимал! И тебе несдобровать, не посмотрю, что ты блаженный!

— Не гневайся, царь и великий государь, — с улыбкой ответил ему Василий, — а пойми, что сейчас я погасил великий пожар в Новгороде.

— Быть того не может! — опять вспылil Иван. — Где Москва, а где Новгород! Не слепой же я, видел, как ты вино из чаши в окошко выплеснул!

— Не все, что мы видим, истинно, — загадочно сказал блаженный.

— Что ж, я проверю, что истинно, а что нет! — пообещал царь. — И, если ты солгал мне, берегись! Пощады не будет!

Ничего не ответил на эти угрозы Василий, а, повернувшись, выбежал из царского дворца. Стражники устремились вслед за ним. На ходу переговаривались: «Ишь, царское вино за окошко вылил! Не пожелал пить за здоровье государя!» — «На кол его посадить, вот и весь сказ!»

Да только не смогли они изловить святого: перешел тот на другой берег Москва-реки — по воде, как по суше. И был таков.

Иван же тем временем отправил гонцов в Новгород — узнать, был ли там пожар в сей день, а если был, то по какой причине. Вскоре гонцы вернулись да еще новгородцев с собой прихватили, чтобы те обо всем сами царю поведали. Жители господина Великого Новгорода рассказали Ивану Грозному, что в тот день, о котором он расспрашивал, в городе начинал-

ся было сильный пожар, да вдруг случилось чудо: среди пламени появился некий старец, который всюду ходил с водой, гасил стихию огненную, и жар его не опалял. Так и спас город и его жителей от, казалось бы, неминуемой беды. Сам же, едва огонь утас, исчез.

— А старца того мы здесь, на улицах московских, видели, — закончил свой рассказ старший из новгородцев.

— Что ж ко мне его не привели? — спросил царь.

Новгородцы, услышав царский вопрос и зная о гневливости самодержца, с криком: «Не вели казнить, вели милловать!» — попадали ниц.

— Ладно, не бойтесь, — махнул рукой царь. — Знаю я этого святого старца. Зовут его Василием Блаженным. Много про него чудес рассказывают, вот я и захотел проверить: так ли это? А вы, коли правду говорите, чего ж пугаетесь?

Новгородцы стали оправдываться:

— Хотели его, Василия этого, с собой привести, чтобы подтвердил правдивость сказанного, да он и слушать нас не стал, ушел.

— А как вы думаете, отчего он ушел от вас? — хитро прищурился Иван Грозный.

— Да думаем мы, что больно он скромн, — за всех ответил старший новгородец.

— Верно! И я тоже так думаю! — кивнул царь.

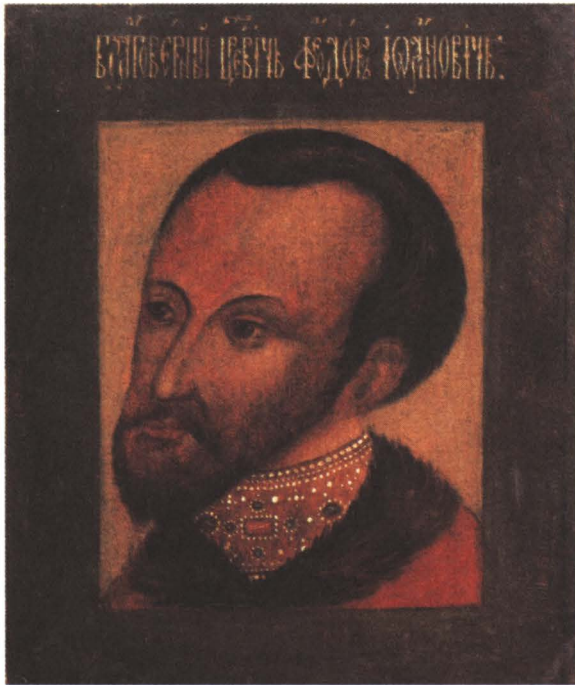
О кончине Блаженного люди по-разному рассказывали. Одни говорили, что, когда Василий заболел и слег окончательно, пришли к нему царь с царицей, царевичами, Иваном и Федором, с митрополитом и множеством священников.

— Пришла мне пора умирать, — сказал Василий Блаженный. — Чую, уж не подняться мне.

— Скажи перед смертью, что ожидает нас? — попросил Иван Грозный.

Посмотрел умирающий на царевичей, улыбнулся им ласково и, протянув

Неизвестный художник
«Царь Федор Иоанович»

руку не к старшему, Ивану, а к младшему, Федору, промолвил:

— Будешь ты, отрок, продолжателем дел дедов своих, царем русским станешь...

Хотел еще что-то добавить, но закашлялся натужно. А через минуту затих — умер. Так и не сказав, что суждено Федору Ивановичу стать последним в династии Рюриковичей, отбыл в иной мир.

Вряд ли такая встреча могла случиться. Однако легенды в народе ходят.

Вся Москва провожала нищего святого в последний путь. Митрополит Макарий и другие священники пели псалмы. Москвичи плакали. Прощаясь со святым, восклицали громко: «О, блаженный Василий! На том свете молись за грехи наши перед Христом! Пусть Господь сохранит Москву и жителей ее!»

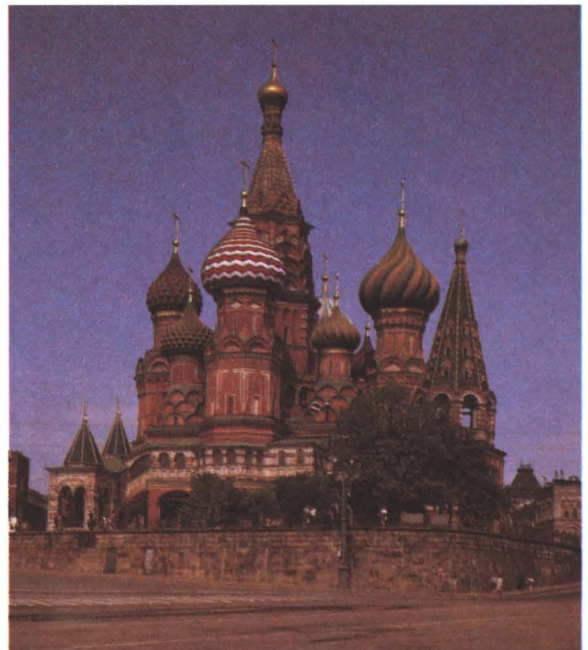
Были и такие, что говорили: Блаженный умер до того, как царевичи появились на свет, и потому не могли они стоять перед умирающим Василием. Много

Покровский собор (храм Василия Блаженного)

Федор Иванович (1557—1598) — с 1584 года — царь московский. Иван Грозный в приступе ярости 19 ноября 1582 года убил своего старшего сына Ивана, и наследником стал средний сын Федор (младший сын, царевич Дмитрий, погиб в Угличе в 1591 году). Федор не оставил потомства, и с его кончиной прекратился царствующий род Рюриковичей. После смерти Федора началось страшное Смутное время.

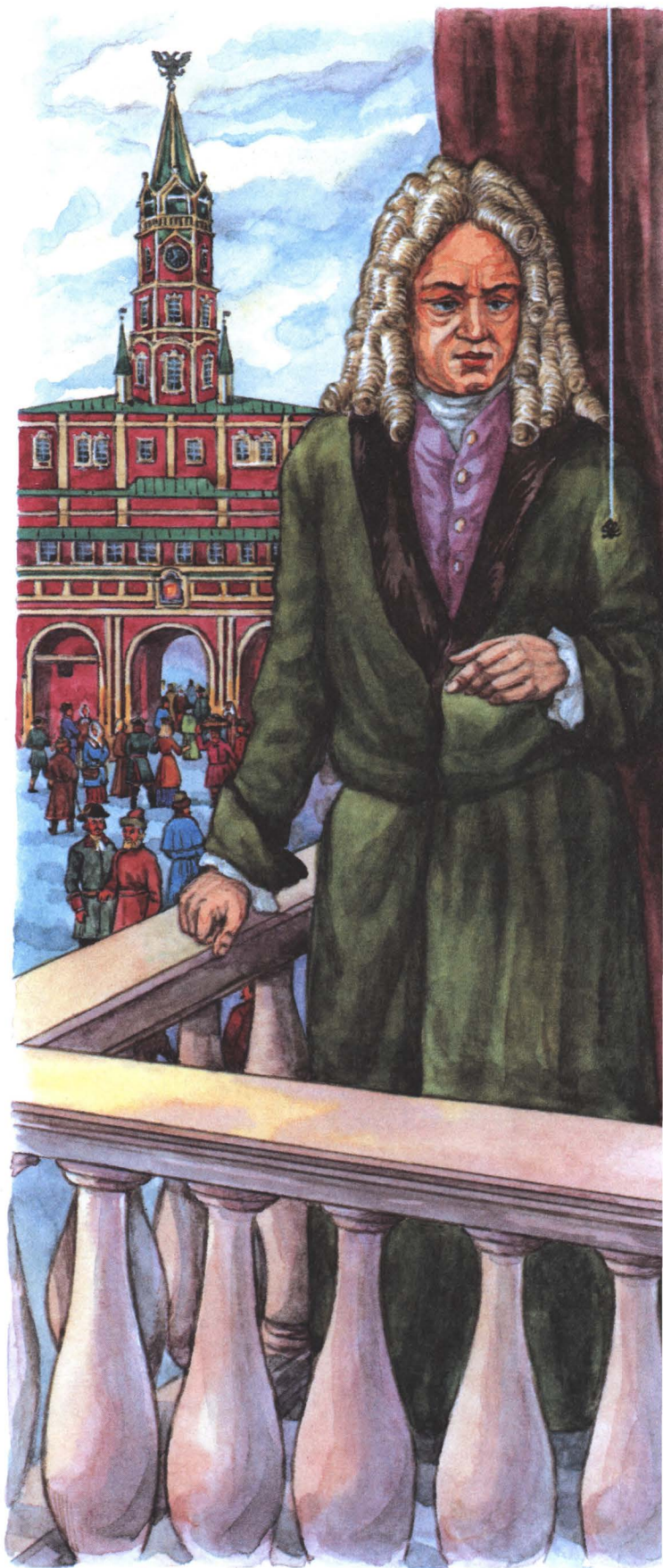
воды с тех пор утекло. Но точно известно, что похоронили его там, где он любил чаще всего бывать, у Троицкой церкви. А спустя три года на этом месте по велению Ивана Грозного началось строительство храма Покрова Богородицы — в честь покорения Казани и во славу павших воинов. Придел Василия Блаженного был построен в 1588 году, уже при царе Федоре Ивановиче. Там в серебряном сосуде покоятся мощи святого. Больные и немощные шли сюда, притрагивались к серебряному сосуду, просили у Василия здоровья. И он неизменно помогал всем страждущим.

Яков Вилимович подошел к окну, рассеянным взглядом осмотрел площадь, на которой шел торг: кричали, предлагая товар, лавочники, в сомнении посматривали на них покупатели, шныряли в толпе знаменитые сухаревские карманники. А над этим московским столпотворением возвышалась краснокирпичная башня. Площадь и башню называли в честь стрелецкого полковника Сухарева, первым перешедшего на сторону Петра I во время стрелецкого бунта. Почему же не Брюсова башня, не Брюсова площадь? Ведь Яков Вилимович, уроженец Москвы, немало сделал для России: генерал-фельдмаршал, граф, сенатор, глава русской артиллерии, герой Северной войны, Азовских походов, Полтавы... А запомнили его только как колдуна. Кто ж станет называть площадь именем чародея?

Сверху спустился паучок и проворно побежал по рукаву Брюса. «Русские сказали бы: к известию!» — ухмыльнулся он. Вспомнилось шотландское предание четырехсотлетней давности. Мятежный шотландский король Роберт Брюс восстал против власти английского короля Эдуарда I. Как лев сражался он против ненавистных англичан, поработивших его родину, но неизменно терпел от них поражения. Летом прятался в горах и совершал набеги на врагов. Зимой воевать было куда сложнее, и потому Роберт, отправив жену с охраной в свой замок Килдрюм, отплыл в Ирландию. Поселился

шотландский король в простой рыбацкой хижине, здесь и узнал страшную весть: англичане захватили Кильдрюм, вырезали всех мужчин, надругались над королевой и ее фрейлинами.

У короля-воина опустились руки, отчаяние охватило его: может напрасно он столько лет борется с англичанами? Одни поражения терпел он в этой войне, и многие шотландцы переметнулись на сторону Эдуарда I, вместе с англичанами резали своих братьев! К чему же тогда все мучения, смерть родных и близких, ведь один в поле не воин! Разве что бежать отсюда в далекую Палестину и там в сражениях с сарацинами за Святую землю излить весь свой гнев, а возможно, найти смерть в бою!

В эту минуту горестного отчаяния король заметил паука, который раз за разом устремлялся к потолочной балке, чтобы закрепить на ней свою нить. Но неизменно срывался, падал вниз. И с упорством начинал работу сызно-

ва: карабкался, падал, снова взбирался и вновь терпел поражение.

— Дурак! — прикрикнул на него Роберт Брюс. — Шесть раз ты падал, а все никак не поумнеешь!

И тут же внутренне застонал: «Видимо, я схожу с ума, если пытаюсь что-то толковать глупому пауку».

— Нет, — возразил он себе вслух, — не глупому, а упорному! Шесть раз он терпел поражение, как и я шесть раз был бит англичанами. И вот я решил сдаться, а что сделает этот паук? Ну же, приятель, покажи, на что ты способен! Если отступишься, то и я, бросив все, уеду сражаться в Палестину. Если с седьмого раза добьешься своего, то и меня ждет удача!

Паук, не слыша обращенных к нему слов и не зная человеческих сомнений, наконец взобрался на потолок, укрепил там свою нить и принялся торопливо сплетать вокруг нее паутину.

— Спасибо, паук! — возликовал Роберт. — Ты вселил в меня надежду!

Роберт I Брюс (1274—1329) —

шотландский король, национальный герой. После того как король Англии Эдуард I лишил Шотландию независимости и увез в Лондон священный камень, на котором издревле венчались на царство шотландские короли, Роберт поднял восстание, сам себя короновал, возложив на голову самодельный венец. После ряда поражений отправил зимой 1306 года семью в свой замок Кильдрюм, а сам уехал в Ракрин, в Ирландию. В 1314 году разгромил английские войска при Баннокберне. В 1322 году заключил перемирие с Англией. В 1328 году Эдуард II признал независимость Шотландии.

*Неизвестный художник
«Яков Брюс»*

Получив доброе предзнаменование, Роберт I вернулся в Шотландию, чтобы продолжить войну с англичанами. Отныне из всех сражений он неизменно выходил победителем и завоевал независимость для своей многострадальной Родины.

С тех пор все Брюсы верили, что паук — вестник победы.

— А что предвещает ты мне, паучок? — улыбнувшись, спросил Яков Вилимович. — Какую победу и над кем?

Паук в ответ лишь, шмыгнув за гардину, скрылся из виду.

Брюс оглянулся на пустые комнаты: всю жизнь он был один, одиноким остался и на старости лет. И в этом тоже роковая судьба всех Брюсов. Многие из них служили иностранным властителям, сражались на чужбине, не имея времени на то, чтобы обзавестись семьей и наследниками. Странно еще, что старинный род Брюсов не прекратился вовсе.

Однажды, чтобы покончить с одиночеством, Яков Вилимович создал себе на потеху игрушку — механическую прислугу: встроенный в каркас маятник заставлял куклу двигаться, а вращающиеся шестеренки — приседать в поклоне. Шутки ради, украсил механическую деву искусственными цветами: щеки ее цвели розами, бледное чело было из ромашек. Если посмотреть издали, то — писаная красавица! К тому же была она, ясное дело, молчалива, послушна и не совала нос в дела хозяина. Чудо, а не прислуга!

Уходя из дома, Брюс оставлял ее стоять у окна, чтобы чужие люди, увидев ее, остереглись воровать! Чуть что, прислуга кликнет полицию!

Но случилось то, чего Яков Вилимович никак не мог предусмотреть. Некий заезжий купец увидел механическую деву, стоящую в томной позе у окошка, да и влюбился в нее по уши! Пришел к Брюсу, упал в ноги, взмолился жалобно:

— Хозяин! Отпусти ты на волю деву, что у тебя в прислугах мается! Увидел я, как она, сердешная, у окна стоит, тоскуя, и полюбил ее всем сердцем! Жить без нее не могу!

— Да ты что? — удивился Яков Вилимович. — В кого влюбился-то, без кого жить не можешь? Она же не живая...

— Ой, не лукавь, хозяин! — погрозил ему гость пальцем, а потом испуганно вскрикнул. — Уж не лишил ли ты ее жизни?!

— Тьфу ты, непонятливый какой! — воскликнул Брюс. — Как же я могу ее лишить жизни, когда она и живой-то не была! Я ж ее сам из цветов сделал! Кукла она, кукла — и ничего больше!

— Не верю! — оторопел купец. — Я своими глазами видел, как она ходила, кланялась! Да неужто кукла на такое способна? Нет, хозяин, крутишь! Цену

набиваешь! Что ж, торговаться не буду, заплачу отступного, сколько назначишь. И не подумай чего — я на ней женюсь!

— Ладно, смотри сам на свою милую, — обреченно махнул рукой Яков Вилимович.

Тут в комнату вошла механическая прислуга — появлялась она через каждые полчаса. Присела в низком поклоне и пошла к Брюсу, а он вынул из ее головы фиксатор, сделанный в виде гребня. Механическая дева тут же рассыпалась на составные части — покатались по полу колесишки, упали искусственные розы и ромашки.

— Что ж ты с ней сделал, супостат? Да как же это ты, а? — вскричал купец,

сделав по комнате два шага да и упал, лишившись чувств.

Пришлось дать ему понюхать нашатыря — купец очнулся, вскочил, да как закричит:

— Брюс — чародей проклятый! Сатане душу продал! Деву живую в куклу обратил!

Так с криками и выбежал вон. А Брюс лишился своей бессловесной прислуги, восстанавливать которую не было у него ни времени, ни сил. Теперь у него были иные заботы: он строил летательный аппарат.

Яков Вилимович еще раз взглянул на площадь и увидел у своих окон того самого купца.

«Легок на помине», — вздохнув, подумал Брюс.

Купец был сильно пьян, видимо, горе водкой заливал; шатаясь, он размахивал полупустой бутылкой и орал во всю мочь:

— Люди православные! Здесь живет колдун Брюс! Не ждите от него добра — всех вас куклами сделает! Пустите ему красного петуха, сожгите нехриста со всеми его адскими приборами!

Вокруг пьяного понемногу собиралась толпа, люди недобро посматривали на Брюсов дом, удрученно кивали головами.

«Вот тебе и благодарность за просвещение!» — с горечью сказал себе Яков Вилимович и, отойдя от окна, — а то неровен час, камнем запустят, — пошел в подвал дома, который соединялся тайными галереями с Сухаревой башней. Там, в Навигацкой школе, было его истинное царство — библиотека, кунсткамера, лаборатория и астроно-

мическая обсерватория. И посторонним ход в башню был закрыт. Если бы кто и решился отыскать подземные пути, то разом запутался бы в их лабиринте: пошел бы по сужающимся коридорам, в которые можно войти, а назад протиснуться — никак! И поделом — не воруй! И все же находились такие, что, соблазнившись рассказами о несметных богатствах колдуна и чародея, забирались сюда. Так бы и погибли, если б Яков Вилимович не высвобождал их, вытаскивая через потайную дверь. Потом вел их в библиотеку, показывал свое хозяйство:

— Ну, смотри сам, что тут грабить? Книжки эти, на разных языках написанные? Ты-то сам грамоте обучен? Или водку из колбы пить будешь? Несподручно выйдет, подавишься!

Несчастный грабитель поначалу мелко крестился, дико озираясь по сторонам, потом же, осмелев, отвечал:

— Ни к чему это нам! Игрушки показываешь, а главное-то спрятал!

— Что главное? — недоумевал Брюс.

— Люди поговаривают, что ты из простой землицы золото гонишь! Вот и поделился бы. Мне много-то не надо — на жизнь бы до старости хватило, и ладно.

— Алхимией я не занимаюсь, — обрывал его Яков Вилимович. — Если умеешь золото получать, меня научи.

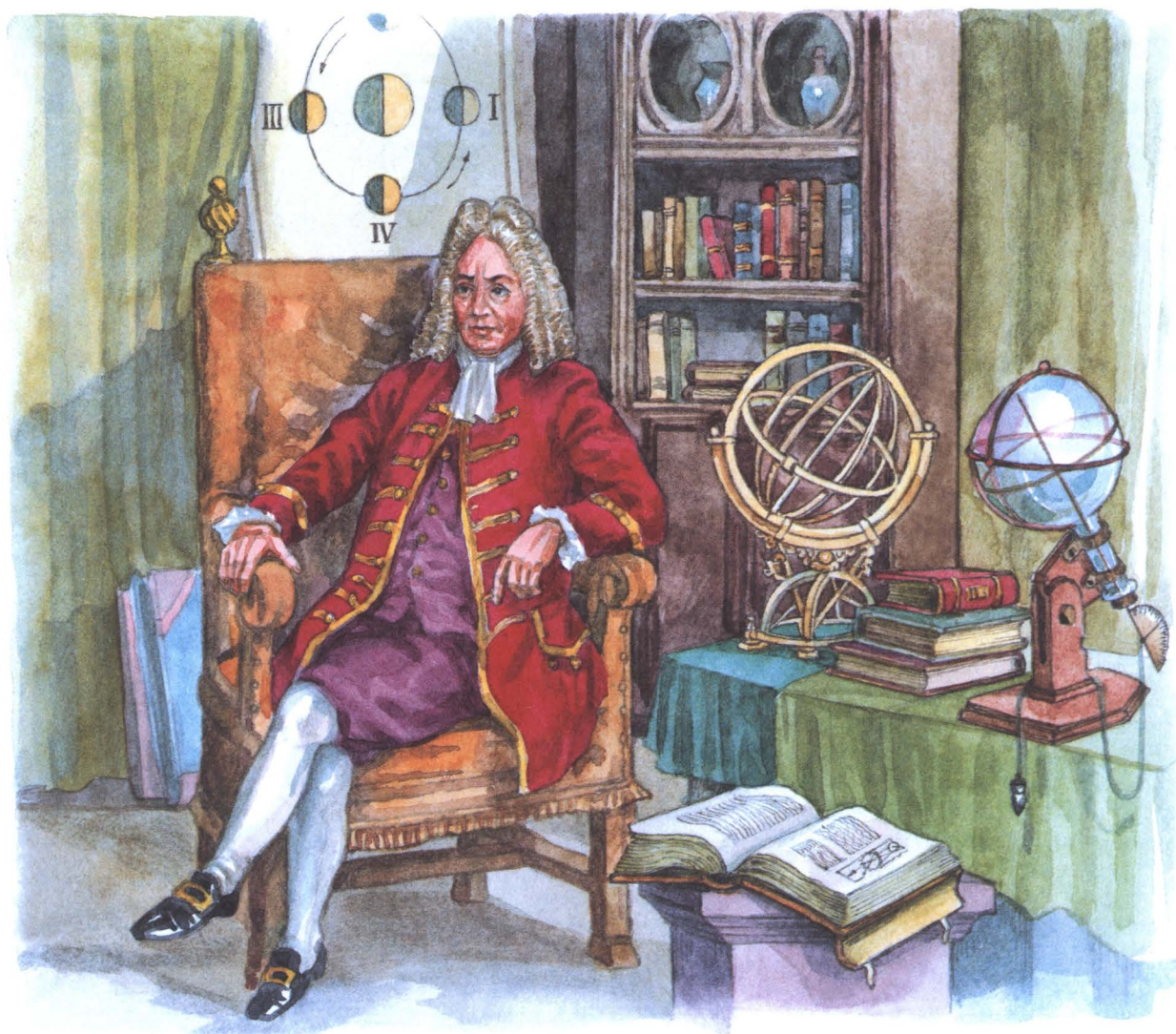
— А то еще сказывают, — продолжал вор, — что есть у тебя вода живая и мертвая, что можно той водицей омолаживаться. Тоже не помешало бы мне...

— Да разве не видишь, что я годами немолод? — удивлялся Брюс. — Был бы у меня эликсир молодости, неужели я им не воспользовался бы?

— Известное дело, — кивал грабитель согласно и даже сочувствующе, — оно всегда так: сапожник без сапог.

И уже не имея сил терпеть эту глупость, Брюс выходил из себя:

— Поди прочь и передай всем: нет у меня ни золота, ни воды живой!

Пинком выставлял грабителя на улицу. А через некоторое время вынимал из лабиринта следующего искателя приключений, а то и нескольких сразу.

Раздраженный, он толкнул дверь в библиотеку, с силой захлопнул ее за собой и упал в кресло. Прямо перед ним, на стене, его герб с девизом «Мы были», а вокруг — картины фламандцев, портрет Ивана Грозного и книги, книги, книги... «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Метаморфозы» Овидия и «Оды» Горация, пьесы Шекспира и «Декамерон» Бокаччо, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, а дальше — научные труды Лейбница,

Ньютона, Гюйгенса. Все они **БЫЛИ**, все давно ушли из этой жизни, оставив после себя великие творения, созданные их талантом и умом. Но для кого они трудились, мучились? Кто поймет эту красоту?

Яков Вилимович улыбнулся, вспомнив встречи с Лейбницем и Ньютоном. В чем-то они были похожи, эти два величайших гения, которые ссорились между собой, доказывая первенство в разработке интегрального исчисления. На этом, пожалуй, сходство и заканчивалось. Великий немец во время встречи с императором Петром доказывал необходимость создания в России Академии наук, призывал освободить крестьян от рабства и дать им настоящее

Ньютон Исаак (1643—1727) — великий английский физик, математик, создатель теоретических основ механики, автор закона всемирного тяготения, разработал дифференциальное и интегральное исчисления (одновременно с Лейбницем), изобрел зеркальный телескоп. Родился в семье фермера в деревне Вулстон в Линкольншире, посещал деревенскую школу, затем учился в престижном Тринити-колледже Кембриджского университета. В 25-летнем возрасте стал магистром, а в 1669 году — профессором. В конце жизни много внимания уделял богословию и мистике: написал работы о пророке Данииле, толкование Апокалипсиса, занимался вычислениями точной даты рождения Христа. Похоронен в Вестминстерском аббатстве.

Лейбниц Готфрид-Вильгельм (1646—1716) — великий немецкий математик, физик, философ, богослов, юрист, языковед, дипломат. Родился в городе Лейпциге в семье известного философа. В 15 лет поступил в университет, в 17 лет окончил его со званием бакалавра, в 20 лет защитил докторскую диссертацию, но отказался от звания профессора и переехал в Нюрнберг, где увлекся алхимией. Вместе с философом Спинозой попытался создать новую научно-философскую систему взглядов. В 1700 году стал первым президентом созданного по его инициативе Берлинского научного общества. Неоднократно встречался с русским царем Петром I и убеждал его основать Академию наук в России, изменить государственное управление.

Гюйгенс Христиан (1629—1695) — великий голландский математик, астроном и физик. Научную деятельность начал в 22 года. В 1655 году с помощью изобретенного им мощного телескопа открыл спутник Сатурна Титан и кольца вокруг планеты. Автор волновой теории света. Доказал, что Земля имеет эллипсоидную форму, сжатую с полюсов. Его трактат «Космотеорос» о множественности миров и их обитаемости был переведен на русский язык Я.В. Брюсом.

Ньютон

Лейбниц

образование. Стараясь убедить царя, был возбужден, сыпал аргументами, а Петр в ответ лишь загадочно хмыкал: если б Лейбниц знал, о чем говорит! Академия наук! Попал бы в Россию — быстро прослыл бы колдуном! Вот тебе и «просвещение», вот тебе и «наука»! Все же Петр Алексеевич назначил Лейбница своим советником.

— Зачем, государь? — спросил у него тогда Брюс.

Император же, устремив взгляд своих огромных глаз в необозримую даль, ответил:

— Не о временах нынешних думы мои, но о веках грядущих! Все, о чем говорит сей ученый муж, свершится в России, но позже...

В 1724 году Петр учредил Академию наук.

Бывший деревенский мальчишка, Ньютон стал надменным лордом, и его не волновали заботы земные: ни нынешние, ни будущие! Великий англичанин стал мистиком...

Яков Вилимович вскочил с кресла, забегал по библиотеке из угла в угол. Выкрикивал на ходу:

— Великие умы, а не могли понять такой простой истины! Наука — это всего лишь инструмент познания Истины! Но в чем Истина?

Он подошел к письменному столу, на котором лежала раскрытая книга Гюй-

генса. Перелистал страницы сделанного им перевода. Бегло прочитал еще не переведенные строки и воскликнул:

— Вот оно! «Помимо Земли есть много других миров! И живут там не ангелы или черти, а люди, почти такие же, как мы с вами!» Разве это не достойная цель для человечества — полететь к далеким мирам, узнать о жизни других существ! В вечном стремлении к знаниям — великая истина нашей жизни! Ну а пока...

Яков Вилимович отодвинул страницы перевода, взял в руки уже отпечатанные в типографии календари с предсказаниями на сто двадцать лет вперед. Потрясая ими, Брюс продолжил разговор с воображаемыми собеседниками:

— Чем помянут меня благодарные потомки? Вряд ли вспомнят мои труды по астрономии, математике и баллистике или возблагодарят за инженерные труды, научные работы по ботанике, минералогии, географии! Будут ли из века в век признательны мне за переводы манускриптов величайших ученых? Припомнят ли мои ратные подвиги во славу отечества? Нет, все канет в Лету, исчезнет из памяти потомков! Не забудут лишь колдуна Брюса, который составил календарь предсказаний на сто с лишним лет вперед! Поймут, что старый чародей, живший еще в петровские времена, изобрел вечный календарь!

Брюс с удовлетворением потер руки и, засмеявшись, вскричал:

— Что ж, колдун так колдун! Будет чем вспомнить чародея Брюса!

Потом подошел к железной птице, стоявшей посреди лаборатории, откинул дверцу у нее в голове, зажег фитиль — огонек усилился линзами и во всю прожекторную мощь полыхнул из глаз птицы.

— Ну и чудище! — восхищенно сказал ее создатель, а потом с помощью механизмов поднял летательный аппарат на верхнюю площадку башни. Поднялся сам и глянул вниз: там собралась целая толпа. Неистовствуя, кричал пьяный купчишка:

— Вон он сам, видите? На виду у всего честного народа вершит свои чародейские дела!

Яков Вилимович, приставив ко рту металлический рупор, крикнул:

— Здравствуйте, люди московские! С вами говорит ваш ученый чародей Яков Брюс!

Эхом разошлись его слова над толпой. Все сначала стихли, потом начали отвечать на приветствие, будто покатылся по площади шум морского прибоя: «Здрав... стуй... Здрав...»

Громко и властно, как говорил с солдатами перед боем, продолжил:

Вечный, или Брюсов, календарь — составлен Брюсом, впервые был отпечатан с шести медных листов в 1709—1715 годах и предсказывал ежедневные события до 1821 года.

Другое издание этого календаря охватывало события до 1996 года. Единственный сохранившийся экземпляр календаря, позволяющий предсказывать события на неограниченно долгий срок, хранится в Эрмитаже. Этот календарь создал Брюсу славу колдуна и астролога, стал образцом для множества подражаний.

— Я даю вам календарь на каждый день вашей жизни! И жизни ваших детей! И внуков ваших!

Развернувшись, Брюс широким жестом бросил в воздух отпечатанные листки; они, подхваченные ветром, закружились, полетели вниз. Люди протягивали руки, подпрыгивали, ловили его послание, вырывали друг у друга. Яков Вилимович, все более входя в роль великого мага и волшебника, вещал с высот башни:

— Помните же обо мне и благодарите за труды! И детям своим расскажите, что жил некогда ученый волшебник Брюс...

— Не слушайте его, люди! — кричал внизу купец. — Он все врет, хочет вас одурачить!

— Не жду я слов благодарности, но и хулы не принимаю! — раздавался мощный голос над Сухаревской площадью.

Люди начали толкать купца, а потом лупить его по спине, бокам, а то и по голове:

— Молчи, пьяница, когда ученый человек с народом разговаривает!

— Да вы что, православные? — отбивался тот. — Я ж для вас стараюсь!

— Ишь, мироед, «для вас стараюсь»! Кровопиец торговый!

Не обращая внимания на перебранку, Яков Вилимович вел свою речь дальше:

— Ныне призывает меня Отец небесный! Покидаю я вас, дети мои, и улетаю в небеса на железной птице!

— Отец родной, не покидай! — взлетел из толпы старушечий вопль.

«На тебе!» — удивился Брюс, уже садясь в корзину на спине железной птицы. Потянул за рычаг — она взмахнула тяжелыми крыльями раз, другой; соскользнув с площадки, поплыла по воз-

духу. Мощные прожектора ее глаз освещали людей в толпе. Народ затаил дыхание, а потом разом выдохнул: «Ах...»

«Нет, не зря ко мне спустился сегодня паук, — подумал Яков Вилимович. — Предвещал он мне, как и предку моему, королю Роберту, победу. И вот я лечу — отсюда и в вечность!»

И запели у него в душе шотландские волынки, выводя боевую мелодию победы. И вдруг с русским куражом он подумал: «А слабо было б англичанину Исааку Ньютону на железной птахе прокатиться? Слабо! И немцу Лейбницу — тоже! Куда им до нас! Что русскому здорово, то немцу смерть!»

Развернув летательный аппарат, полетел вдаль. Позже говорили, что улетел он далеко, на целых сорок верст, и добрался до своего имения в Глинках. Да неведомо, правда ли это. Или людям

так почудилось: у страха, как известно, глаза велики, а язык без костей.

Пролетала железная птица с огненными очами над московскими улицами, а народ провожал ее перешептыванием: «Брюс... Брюс полетел!» — «Это который Брюс-то?» — «Да тот самый, что календарь изобрел!» — «А, чародей!..»

Улетел Яков Вилимович...

А в Москву вскоре приехал император Петр I. Доложили ему об исчезновении колдуна, и решил император Сухареву башню обследовать. Велел ему туда еду носить и никого не допускать. Три дня не выходил из башни — все проверял, просматривал. Потом, выйдя, оглядел свиту красными от бессонницы глазами и велел генералам:

— Все порошки Брюсовы сжечь, жидкости слить, приборы разбить! Книги я с собой заберу, а вот это, — показал он пачку листов, — в стене замуровать и ча-

сового к башне поставить, чтобы караулил денно и нощно, никого и близко не подпуская к ней! Только я могу туда войти, понятно?!

Уехал Петр в столицу и вскоре умер, а часовой, по его приказу поставленный у Сухаревой башни, нес караул, сменяясь через каждые шесть часов. Умирали по старости одни солдаты, ставили на их место молодых — так шли годы, и никто к башне не подходил. Только однажды, когда пожаловала в Москву императрица Екатерина Великая, увидев часовых, заинтересовалась:

— Кто распорядился у этой башни часового поставить?

— Еще сам Петр Алексеевич велели, — ответили ей.

— Что ж, быть по сему! — сказала Екатерина. — Как при Петре было заведено, так пусть все и остается.

И вновь шли годы. Никто Сухаревой башней не интересовался, только рассказывали о ней страшные сказки: мол, бродит там по ночам со свечой в руке дух покойного колдуна Брюса. Правда ли, нет ли, а часовые продолжали нести караул, утвержденный при Петре I и подтвержденный Екатериной II.

Казалось, так будет продолжаться вечно. Но вот прибыл в Москву император Александр III и, проезжая мимо Сухаревой башни, поинтересовался:

— Что тут такое? Склад, что ли, артиллерийский? Что охраняет солдат, можете мне ответить?

Градоначальник только руками развел.

Ж. Арну
«Вид Сухаревой башни»

Император спросил у караульного:

— Солдат, ты что охраняешь?

— Не могу знать! — бойко ответил тот.

— А не знаешь, то ломай замок на двери! Сами все осмотрим! — велел Александр.

С трудом сбили проржавевший старинный замок. За протяжно скрипящей дверью обнаружилась... гулкая пустота! Только вездесущие тараканы бегали.

— Что ж ты тут охранял, тараканов? — в изумлении обернулся царь к солдату.

— Не могу знать, — по уставу ответил тот.

В раздражении Александр ударил кулаком по стене и услышал глухой звук: там была пустота. Приказал ломать. Обнаружилась дверь, а в нише — Брюсовы календари, составленные на много лет вперед, которые были замурованы по приказу Петра I.

С тех пор такие календари печатают в разных журналах, и кто-то сверяет по ним свои планы на грядущий день, неделю, месяц, год... А башню снесли уже при советской власти, в 1934 году. Площадь же по-прежнему носит название Сухаревской. Сохранился дом, из которого Яков Вилимович Брюс, согласно легенде, подземным ходом добирался в лабораторию.

Фауст Иоганн
(1480? — 1540?) — средневековый немецкий ученый, который жил в герцогстве Вюртемберг, много странствовал по свету. Его научные открытия и изобретения казались современникам настолько удивительными, что Фаусту приписывалась связь с сатаной. О нем сложено много легенд, написаны художественные произведения, самое известное из которых — «Фауст» Гете. Благодаря Иоганну Вольфгангу Гете Фауст стал символом пылкого человеческого ума.

Александр Сергеевич Пушкин, работая над романом о Петре Великом, часто называл Якова Брюса «русским Фаустом». К сожалению, роман остался незавершенным.

РУССКИЙ АВЕЛЬ

У Адама и Евы, первого человека на земле и его жены, было двое сыновей. Старшего звали Каином, что означает «приобретение», или «подарок». Он был земледельцем, или, по-нашему, крестьянином. Младшего брата, он был пастухом, звали Авелем, что можно перевести как «духовный человек».

Однажды братья принесли свои дары Богу. Тот принял дары Авеля и отверг те, что принес Каин. В злобе и ненависти старший брат убил младшего и был за это проклят Богом...

Спустя много лет, в 1757 году, родился в России другой Абель — великий предсказатель. Но этот Божий дар не

*Ю. Карольсфельд
«Братоубийство»*

принес ему счастья, как и младшему сыну Адама...

В суздальском Спасо-Ефимьевском монастыре собрались странники. Были тут простые крестьяне, но были и монахи из разных уголков обширной страны: с Валаама, с Соловков и даже из Санкт-Петербурга. Шел 1841 год, и, как обычно, собираясь вместе, гадали русские люди о будущем России.

— Э-хе-хе, — вздыхал монах Галактион с Валаама. — В беспокойное время живем: то с турками воюем, то с поляками. Говорят, император наш, Николай Павлович, готовит указ об обязанностях крестьян. Как знать, что из того выйдет? Был только один человек, который мог прозревать будущее. Он бы нам все поведал, но давно затерялись его следы в нашей необъятной державе. Не знаю, жив ли он...

— Что за человек? — спросил Нифонт, монах Александро-Невской лавры.

— Из простых людей, из крестьян, — ответил Галактион. — Был он послушником в нашем, Валаамском, монастыре, но монахом так и не стал. Звали его Василием...

— Ну и что же этот Василий? — спросил Нифонт.

— А вот что: было ему видение от Бога, — ответил Галактион.

Помолчал валаамский монах, будто припоминая, а потом начал свой рассказ:

— Жаловался в тот день Василий, что с самого утра охватила его тревога непонятная, будто должно случиться в его жизни нечто важное, а что именно, он и сам не знал. А когда не было уж больше сил бороться с этим тревожным ожиданием, выбежал он из кельи, упал на колени и поднял глаза к небесам. Го-

лубые, безоблачные, они вдруг раскрылись, точно занавес, и хлынуло оттуда такое сияние, что нельзя было без боли в глазах смотреть. И разглядеть ничего нельзя, а только чувствовалось, что там, за сиянием этим, Иисус Христос, а вокруг него множество ангелов: одни похожи на крылатых людей, другие, словно из одних глаз состоящие.

Оттуда-то и прозвучали слова, обращенные к Василию:

— Долго ты искал свой дар. Знай же: отныне тебе открыто будущее.

И, словно тучи, поплыли по небу видения: запылали пожары, беззвучно закричали гибнущие, проплыли неизвестные машины, похожие на сказочных драконов.

Страшные это были видения. Испугался Василий, закричал:

— Нет! Не хочу этого дара! Не хочу нести груз всех смертей! Не в силах это человеческих!

На свой крик не услышал он ответа, только вроде как грустно улыбнулся

ему Христос: нельзя отказаться от дара небес.

Тогда Василий ушел из нашего монастыря, отправился странствовать по Руси. И больше мы с ним не виделись — так закончил Галактион свой рассказ.

— А ведь я знаю этого Василия! — вдруг подал голос до того молчавший монах Никольского монастыря Макарий. — После странствий по Руси, пришел Василий к нам, в Кострому. Да там и написал свою книгу о будущем России. В ней же и скорую смерть императрицы Екатерины предсказал. Книга попала в руки к нашему игумenu. Ох, что тут началось! Вызвал настоятель к себе послушника да напрямик его и спросил:

— Ты, лиходей, ту книгу написал?

— Я, — тихо, но без робости ответил Василий.

А настоятель ласково так спрашивает:

— Сыне, хорошо ли тебя приняли в стенах нашей обители? Не обидел ли кто ненароком?

— Приняли меня хорошо, как в доме родном, — ответил послушник. — Никто не обидел меня ни словом, ни делом.

И тут как закричит настоятель, гнев был в его голосе:

— Так чем же ты, супостат, на любовь нашу, заботу и ласку ответил?! Послушанием? Молитвами о спасении своей грешной души? Нет! Решил всех нас под опалу подвести! Смерть царицы нашей, Екатерины, пророчишь? Беды предвещаешь, каркаешь, точно ворон! Да кто ты такой, чтобы так о земной богине писать? Червь земной!

Тут настоятель закашлялся, не смог продолжать дальше. Василий же спокойно ответил:

— Правду говоришь, отче, мал я перед великими мира сего. Но не сам я ту книгу придумал. Научил меня написать ее Тот, Кто небо сотворил и землю, и все, что в них. Для Него все люди равны — что цари, что крестьяне...

— Так ты, еретик, с царями вздумал равняться! — опять закричал настоя-

Калиостро Александр, граф (1743—1795) — мистик, чародей, основатель в разных странах масонских лож (тайных организаций, одной из целей которых был захват власти над миром).

Настоящее имя — Джузеппе Бальзамо. Родился в купеческой семье в итальянском городе Палермо. Был отдан на обучение в иезуитский монастырь, откуда бежал и, скрываясь под чужими именами, долго странствовал по Египту и странам Европы. За время путешествий близко сошелся с немецкими масонами. В Лондоне основал общество египет-

ских масонов. В 1779 году приехал в Митаву (ныне — город Елгава, в Латвийской Республике) к графу Медему, где занимался алхимией, вызыванием духов, преподавал магические науки и демонологию. В 1780 году под именем графа Феникса прибыл в Санкт-Петербург, где пытался получить магическое лекарство. После России вновь долго странствовал по городам Европы, пока в 1789 году не был схвачен иезуитами и, по приговору Папы Римского, пожизненно заточен в крепости Святого Ангела. Там и скончался спустя пять лет.

тель. — Ладно. Я тебе не судья: слишком велико преступление твое. Отправишься ты вслед за своей книжицей в Кострому, к самому архиепископу. Пусть судьбу твою он и консистория, суд церковный, решают!

Так и случилось: отвезли Василия сначала в Кострому, а затем в столичный город Санкт-Петербург, к обер-прокурору, а тот о предсказателе самой императрице доложил. Она в то время как раз пьесу писала про какого-то Калиостра...

— Что за Калиостр такой? — перебил Галактион.

— А это пусть он расскажет, — кивнул Макарий на Нифонта. — Он не только в делах церковных разбирается, но и про все мирское знает.

— Да, кое-что мне ведомо, — скромно кивнул монах столичной лавры. И продолжил: — Александр Калиостро — известный мистик и чародей-шарлатан, изъездивший всю Европу. Побывал и у нас. Его жена влюбилась в князя Потемкина, и мужу, чтобы спасти честь семьи, пришлось спешно бежать из России...

Монахи рассмеялись.

Галактион, все еще улыбаясь, сказал: — Что ж, сей прохвост так всю жизнь и бегал с места на место?

— Бегал и многих людей дурачил: гадал, предсказывал, фокусы показывал... — ответил Нифонт.

Галактион только рукой махнул:

— Ну и пес с ним! С нашим-то Василием что было?

Макарий продолжил:

— Наша царица-матушка, желая разоблачить итальянского прохвоста, писала о нем пьесу для театра, а тут ей докладывают, что и в России тоже предсказатель объявился! Да еще ей самой смерть пророчит! Понятное дело, она разгневалась.

— Да кто он такой, провидец этот? Монах, что ли? — спрашивает царица.

— Никак нет, — отвечает обер-прокурор. — Так, послушник одного монастыря в Костромской губернии.

— Сколько ж лет тому послушнику? — допытывается царица.

В. Маковский
«Узник»

— Да уж под сорок...

— Староват послушничек! — хохотнула Екатерина. — В его годы настоятелем монастыря можно было стать. Чем же он до того занимался, этот... как его там?

— Василий, — подсказал обер-прокурор. — Да так, странствовал...

— Бродяжничал, значит! А теперь вздумал поворожить императрице! Ну, не нахал ли? — все более распаляясь, гневно говорила Екатерина. — Ведомо мне, что при дворе короля Карла Девятого Французского, лет этак двести пятьдесят тому назад, был врач и астролог Михаил, названный в честь Богоматери Нострадамусом. Так вот он-то, Мишель этот, от чумы людей спасал, карты астрологические чертил и по ним будущее предсказывал. Говорят, всегда правильно. А этот Василий что? Тоже мне, мистик сиволапый выискался! В Шлиссельбургскую крепость его!

По велению императрицы Василия заточили в крепость, и больше о нем никто не слышал. А через 10 месяцев и 10 дней, 6 ноября 1796 года, скончалась Екатерина Великая. Как и предсказал Василий, — закончил свой рассказ Макарий.

— Жаль послушника, — согласился Нифонт. — Только обрел дар Божий, как и окончил земную жизнь. Но ведь он не один такой! Знал я славного своими пророчествами монаха Авеля, который принял постриг в нашей Александро-Невской лавре. И был поначалу всячески обласкан самим императором Павлом!

— Как так? — удивился Галактион. — Ну-ка, расскажи о том иноке! И почему ты говоришь, что он был обласкан императором лишь поначалу, что же случилось потом?

— Слушайте же, братья, повествование о великом русском прорицателе Авеле, с которым не могут сравниться ни итальянский мистик Калиостро, ни французский лекарь Мишель Нострадамус! — начал Нифонт очень торжественно и, помолчав, оглядел своих слушателей. Они ждали продолжения.

— Услышал император Павел о русском прорицателе Авеле, пригласил его к себе во дворец, принял как самого дорогого гостя и провел его через анфиладу залов, один другого роскошнее. В бесчисленных зеркалах отражались двое: монах в черной ризе и царь. Павел говорил Авелю: «Знаю о твоём великом даре, отче. Не всякому дано заглянуть в будущее. Я вот, хоть и помазанник Божий, не могу. Потому и хочу спросить у тебя: какова судьба моего рода, рода Романовых? Долго ли потомки мои будут править Россией?»

Задумался монах, будто заглянул в грядущее, и ответил: «Долго, государь. И сын ваш будет на троне, и внук его, и правнук. И праправнук тоже».

Нострадамус Мишель (1505—1566) — знаменитый астролог и врач.

Родился в городе Сен-Реми в бедной семье. Отец послал Мишеля учиться медицине в город Авиньон. В 1525 году здесь, в Провансе, вспыхнула

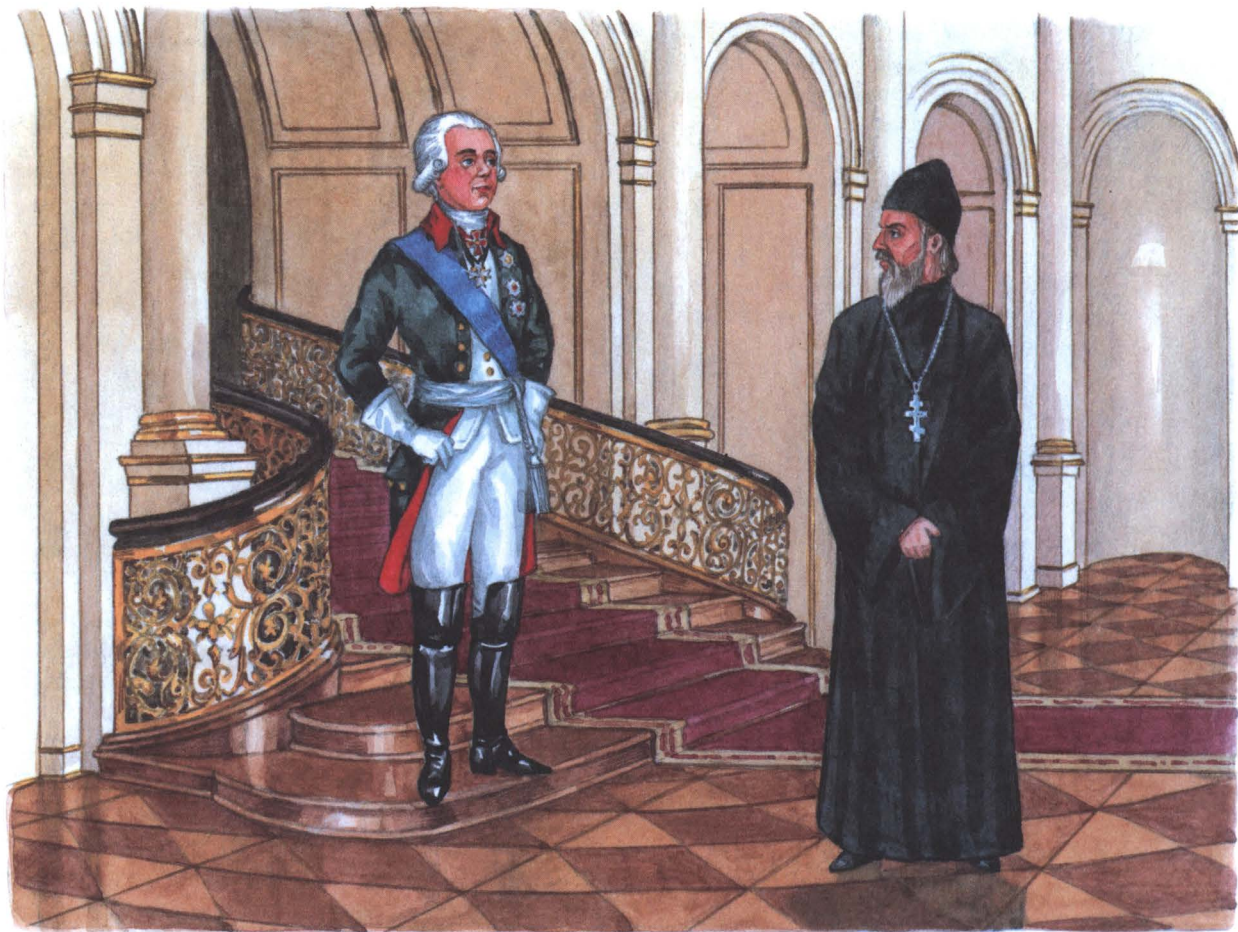
эпидемия чумы, которая опустошила многие города и селения. 22-летний студент-медик включился в борьбу со страшной болезнью, и ему удалось спасти многих людей, за что ему была присвоена докторская степень. В городах Прованса он пользовался большой любовью и почетом.

В 1544 году, после смерти жены и двух детей, Нострадамус поселился в городе Салоне, где и написал знаменитые «Центурии» — пророчества о судьбах человечества на века вперед. Эти пророчества многократно подтверждались и имели огромный успех. Когда в 1564 году в Салон прибыл король Карл IX, он сказал: «Я прибыл сюда с единственной целью — видеть Нострадамуса и говорить с ним».

С тех пор среди недоброжелателей прекратились слухи о том, что Нострадамус — колдун, знающий с нечистой силой. Отныне его почитали как святого и при встрече становились перед ним на колени. Он умер в почете в 1566 году в возрасте 61 года. На могиле его высечена знаменательная надпись: «Здесь покоится Мишель Нострадамус, почти божественное перо которого было признано достойным сообщать людям о влиянии звезд на будущие события, которые должны произойти на всем земном шаре. О, потомок, не трогай этот прах и не завидуй покою здесь лежащего!»

Нотр Дам — так французы называют Богоматерь. Собор Парижской Богоматери — Нотр Дам де Пари.

Улыбнулся Павел, довольный: «А каково мое правление будет?» И вновь Авель ответил не сразу, а после раздумья: «Много славных дел на пользу России вы совершите, государь! Вот только...» — «Нет, нет! Не продолжай! — остановил его царь. — Не надо портить моей радости и своего замечательного пророчества! Знаю, что и на солнце бывают пятна, но не надо сейчас про это!»

И, уже собираясь уходить, обернулся: «Отче! Напиши для меня и в назидание потомкам моим книгу пророчеств! Пиши правду, как бы горька она ни показалась. Теперь же иди! У нас с тобой еще много работы».

Повернулся царь и пошел прочь, отражаясь в многочисленных зеркалах. Авель же по царскому указанию от-

правился в Александро-Невскую лавру и сел там за написание книги пророчеств...

Тут бы и окончить мой рассказ, — понизил голос монах Нифонт. — Так было бы славно, но все в жизни происходит не так, как хотелось бы...

— Что ж случилось с Авелем? Заболел он, что ли? — участливо спросил Галактион.

— Так ведь не всю правду он сказал царю! — вскричал Нифонт. — Не хотел своего благодетеля печалить, вот и умолчал о том, что ждала Павла смерть мученическая — от удушения недругами! Да и не мог он книгу писать у нас в лавре. Неуютно ему там было, все те ни какие-то мешали. Словом, ушел он из лавры, бежал из столицы на север, в Валаамский монастырь.

*И. Шишкин
«Вид на острове Валааме
(местность Кукко)»*

— К нам? — удивился Галактион. — В каком же году это было? Отчего я ничего не знаю про этого Авеля?

— Давно, почитай лет сорок назад, в самом начале XIX века.

— Я в то время на Афон ходил, — кивнул Галактион. — Не было меня в родной обители.

— Ну вот, — продолжил свой рассказ Нифонт. — На Валааме история повторилась, случилось все, как с вашим Василием. Написал АVELЬ книгу, попала она к настоятелю, а тот ее в столицу переслал — прямо императору. А вместе с рукописью и автора доставили. Тут

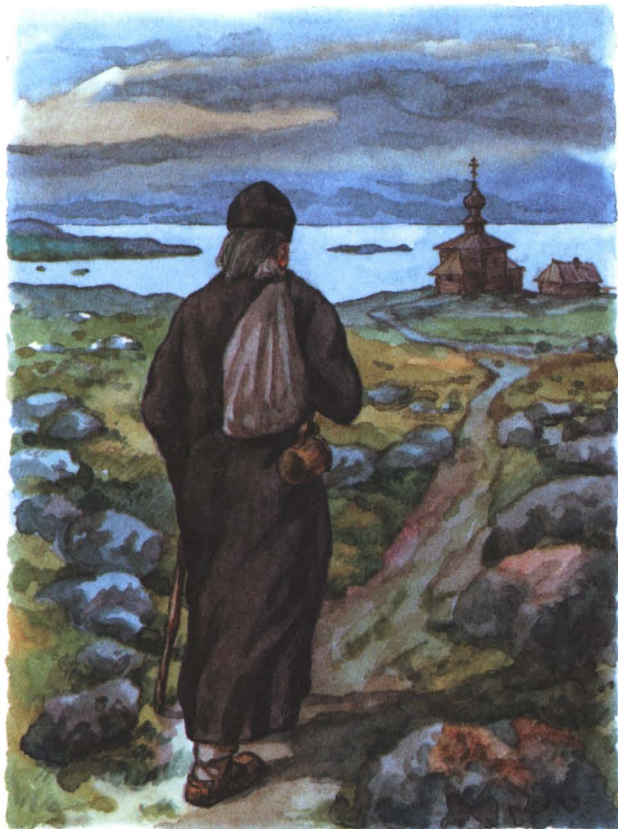
уж Павел проявил свой бешеный нрав! «Ты что насочинял, старый дурак? Мне смерть позорную обещаешь? Императору российскому удушену быть!» — кричал царь на монаха и даже ногами топал. «Государь, — пытался возразить АVELЬ. — Вы же сами мне правду писать велели, сколь бы горька она ни была». — «Молчать! — кричал император. — Как смеешь ты рот свой открывать, когда я говорю?!»

Велел Павел посадить Авеля в Петропавловскую крепость — на веки вечные! Может, оттого он так лютовал, что и сам чувствовал: не солгал ему монах, так все и будет. Были ему видения, страшные сны снились...

— Да, — подал голос Макарий, — так все и случилось, только говорили, что умер император от этого, как его? апоплексического удара: мол, кровь ему в голову бросилась...

— Так тебе правду и скажут! — возмутился Галактион. — Верю я, что удушили Павла враги. А вот в то, что он умер от удара, — не верю!

— Не веришь и не верь! — повысил голос Макарий. — А рассказывать не мешай!

Соловецкий монастырь

И, уже обращаясь к Нифонту, спросил:

— Что ж дальше-то было? Не сгинул Авель в Петропавловке, пережил царя?

— Пережил, — кивнул Нифонт. — И написал новую книгу — уже специально для следующего императора, Александра. И там правду написал: что

враги Москву возьмут, что сгорит древняя русская столица.

— И что же император? — спросил Макарий.

— Посмеялся мрачному пророчеству, а пока оно не исполнится, велел посадить Авеля в монастырскую тюрьму на Соловках — то есть, как он считал, навечно! Но Москва сгорела, а Наполеон вошел в сожженный город... Вновь оказался прав монах, да только дожил ли он до этого — неизвестно...

Замолчал рассказчик. Молчали и слушатели. Тут и вошел к ним Савва, монах Соловецкого монастыря:

— О чем молчите, братья?

— Да вот брата во Христе, Авеля, вспоминаем, — ответил за всех Галактион. — Того, что наделен был даром пророчества сгинул у вас, на Соловках.

— Погодите, погодите, — ответил, будто припоминая что-то, Савва. — Это не тот ли старец, что пожар Москвы предсказал?

— Он самый, — кивнул Нифонт.

— Так ведь я знаю его! И не сгинул он вовсе, хотя и хлебнул горя в заточении! Чудом, можно сказать, выжил! — сказал соловецкий монах.

— Так он жив? — обрадовался Нифонт.

К. Брюллов
«Портрет А.Н. Голицына»

Голицын Александр Николаевич (1773—1844) — князь, российский государственный деятель, известный мистик и личный друг императора Александра I.

Принадлежал к древнему роду, ведущему начало от великого князя литовского Гедимина.

В раннем детстве был представлен Екатерине Великой и зачислен в пажи. С этого времени началась его дружба с внуками императрицы — Александром и Константином Павловичами.

Во время правления Павла I попал в опалу и был выслан из Санкт-Петербурга.

При Александре I Голицын занимал государственные посты: в 1803 году стал обер-прокурором священного Синода, в 1816 — министром народного просвещения и духовных дел, главным цензором.

Основал мистическое «Российское библейское общество». Жестко подавлял всякую критику мистицизма.

Стремился к распространению знаний среди народа; основал два университета — Петербургский (1819) и Новороссийский (Одесский). Он был президентом Российского библиотечного общества, основанного в 1814 году.

К православию относился критически.

Его почитали как святого: приводили детей для благословения.

Интриги Аракчеева и Фотия привели к тому, что Голицын утратил многие должности, но не утратил своего влияния на Александра I, а затем и на Николая I.

В 1824 году он вышел в отставку, уехал в крымское имение Гаспр, где и скончался через год.

— Жив ли, не знаю, — ответил Савва. — А только с ним вот какая история приключилась. Решил наш игумен его уморить: кормил так, что и собака бы сдохла. В лютые холода тюрьму не отапливали... Многие умерли, только Авеля Господь хранил. А тут, когда Александр уверился в том, что пророчество Авеля оказалось верным, он вызвал монаха в Санкт-Петербург. Тут уж игумен наш испугался! Вдруг император узнает, как он холодом и голодом людей морил! Ну и отписал, что, мол, Авель болен, приехать в столицу никак не может! А все равно не по его хотению вышло: доставили-таки пророка в Санкт-Петербург, но не к царю! А к обер-прокурору Синода, князю Александру Николаевичу Голицыну. О, что это был за человек! Не жаловал он веру православную, не любил нашу Церковь. И начал он разговор с измученным, едва живым Авелем хитро: «Садись, отче. Дай-ка полюбуюсь на те-

бя. Знаменит ты нынче сверх всякой меры! Поговаривают, что по твоему слову Москву спалили — как же, сам Авель предсказал!» — «Так ведь не я. То Господь моими устами», — начал было монах, но князь его оборвал, сказал строго: «Много твои уста напророчили, только тебе от того мало пользы было! Мог бы в золоте купаться, если б что надо говорил, а то все правду-матку режешь! Кому от того польза? В радость ли человеку, если он узнает, что ему год жизни остался? Да ты и сам чудом в тюрьме выжил. Небось, игумен-то соловецкий душеньку отвел, покуражился над тобой?» — «Тебе, князь, откуда про то ведомо? Я ни на кого не жаловался». — «Да для того и провидцем не надо быть. По тебе видно. В чем только душа держится!» — «Неужто и у тебя дар пророческий?» — «Еще какой! По долгу службы все книги твои прочитал, теперь все знаю, что будет. Да только книги твои печатать не позволю! И тебе велю держать

язык за зубами!» — «Устал я, — вздохнул Авель. — Уж лучше бы лишили меня дара, да и отпустили душу на покаяние». — «Ну, это то как раз проще простого, — усмехнулся обер-прокурор. — Сам себя отпусти. Вот и успокоишься, отдохнешь». — «Да как же это?» — «А так: дай мне слово, что больше не будешь пророчествовать, — жив останешься». — «Даю слово», — сказал монах и тут же пожалел о сказанном, но слово, как известно, не воробей: вылетит, не поймаешь.

С тех пор Авель больше книг пророческих не писал, а что с ним было дальше, про то мне неизвестно, — та-

кими словами закончил монах Савва свой рассказ.

В наступившей тишине раздались мерные звуки колокола.

— Что это? — встрепнулся Галактион. — Для вечерней службы поздно вато.

Монахи вышли из кельи и увидели похоронную процессию.

— Кто это преставился? — спросил Нифонт у одного из проходящих.

— Монах Авель, наделенный даром пророчества, — был ответ.

— А как звали его, каково было его мирское имя? — спросил Макарий.

— Василий, — ответил монах.

— Как? — в один голос воскликнули все четверо.

— Перед смертью он сказал странные слова: «Россия — навсегда...» Опять, наверное, пророчествовал, — покачал головой монах и пошел по своим делам.

— Значит, это один человек — и Василий, и Авель? — изумился Галактион.

Первые двадцать шесть лет жизни Ксения Григорьевна прожила безмятежно и ничем не примечательно: жила, мечтая о счастье супружеской жизни, как и многие ее подруги. Училась, постепенно хорошела и в положенный срок вышла замуж за придворного певчего полковника Андрея Федоровича Петрова, в котором для Ксении сошлось все лучшее, что только есть на свете: он был ласков с молодой женой, приветлив с остальными. Если и были у него недостатки, то она их не замечала: смотрела на супруга влюбленными очами. Андрей Федорович казался ей кем-то вроде земного божества. Шли дни за днями, и ничто не омрачало их супружеской жизни. Жаль только, что Господь не даровал им детей. Но жизнь продолжалась, и все было впереди: и дети, и внуки, и счастливая старость в своем доме, в окружении многочисленных домочадцев. Жили они, что называется, душа в душу, и казалось, так будет продолжаться вечно. Вдруг в один миг все рухнуло! Скоропостижно скончался Андрей Федорович, и для Ксении будто свет померк. Жизнь оказалась такой хрупкой! Это было неправильно, несправедливо, невозможно! Может быть, Бог ошибся, перепутал нити судеб и забрал из жизни прекрасного мужа вместо ничем не примечательной жены?

После похорон молодая вдова повела себя странно. Она объявила всем, что умер не Андрей Федорович, а Ксения

Григорьевна. Душа мужа переселилась в тело жены. И потому она переделалась в одежду супруга, отзывалась только на имя Андрея Федоровича. Дом безвозмездно передала своей знакомой Прасковье Антоновой. Имущество раздала нищим.

Родственники покойного, решив, что Ксения от горя сошла с ума, написали городскому начальству жалобу: мол,

вдова невменяема и не может распоряжаться имуществом мужа. Да и следы сумасшествия налицо: женщина одевается в мужскую одежду, откликается на мужское имя, раздала все имущество! Как же она собирается жить дальше, на какие средства?

Ксению Григорьевну вызвали для допроса и долго с ней беседовали, но убедились, что она вполне здорова душой, и потому имеет полное право распоряжаться имуществом по своему усмотрению. Что же касается манеры одеваться и отзываться на другое имя, то это уж и вовсе ее дело. Вдову с извинениями отпустили.

Так произошло полное перерождение обычной женщины, счастливой супруги, человека плотского, как тогда говорили, в человека духовного, который лишь отчасти присутствует в этом мире,

а душа его пребывает в мире ином — там, куда некоторые попадают после смерти.

...Она брела по улице низко опустив голову, ничего не замечая вокруг себя. Прошло много лет со смерти ее мужа, и одежда ее совсем истрепалась. Сердобольные люди подарили ей красную юбку и зеленую кофту. Ксения не сопротивлялась и уже не настаивала, чтобы ее называли Андреем Федоровичем: боль с годами притупилась, и жизнь для нее обрела иной смысл. Она помогала людям, предсказывая изменения в их судьбе. Была у нее и тайна, о которой не знал никто на свете.

Однажды она мысленно увидела картинку, куда более яркую, чем серые дома вокруг: то была ее давняя подруга Прасковья Антонова, а рядом с ней — добрый и внимательный сын.

— Но ведь у нее нет детей! — воскликнула Ксения вслух, так, что прохожие обернулись.

Картинка не исчезала и оставалась все такой же яркой.

— Значит, сын? — улыбнулась блаженная и поспешила к тому дому, где некогда протекала ее счастливая жизнь с Андреем Федоровичем.

Без стука она толкнула дверь и вошла. Навстречу уже спешила Прасковья с недоштопанным чулком в руке. Ее испуганный взгляд засветился радостью узнавания:

— Ксюша... то есть Андрей Федорович, как я рада тебя видеть!

— Оставь, Прасковья, — остановила ее Ксения Григорьевна. — Хочу сказать тебе о важном.

Она нахмурилась, вглядываясь в картинку, которая все еще стояла перед ее мысленным взором.

— Ты сидишь и чулки штопаешь, а того не знаешь, что Господь тебе сына послал! — сказала Ксения почти сварливо.

— Да ты что? Бога побойся! Какой в мои годы сын? Видать, на роду мне написано умереть бездетной, — возмутилась Прасковья и вдруг всхлипнула: — Зачем только смущаешь меня надеждой?

Ксения, не любившая, когда ей возражают, сердито прикрикнула на подругу:

— Чем зря болтать, поспешила бы на Смоленское кладбище! Он там плачет, надрывается, пока ты здесь медлишь!

— Сын на кладбище? — удивилась Прасковья, но, заметив сердитый взгляд блаженной, замахала руками. — Да иду я, иду!

Они вместе вышли из дома. Ксения проводила подругу взглядом. И тут яркая картинка, все время стоявшая перед глазами, сначала поблекла, а затем исчезла совсем. Блаженная удовлетворенно улыбнулась: пророчество ее исполнится, Прасковья встретится со своим сыном.

А та, взяв пролетку, велела побыстрее ехать на Васильевский остров. У кладбища велела притормозить и, не выхо-

дя, стала смотреть на проходившую мимо похоронную процессию. Умерла молодая женщина, а за гробом шли женщины в черном. Прасковья удивилась, увидев на руках у одной из них младенца: зачем же малютку на похороны взяли? И словно в ответ на ее мысли младенец заплакал — громко, безутешно.

— Что случилось? — спросила Прасковья у одной из проходивших мимо пролетки женщин. — Кого вы хороните?

— Ох, несчастье так несчастье! — запричитала та. — Настюшка-то наша уже на девятом месяце была, вот-вот должна была родить, а тут как раз извозчик на нее наехал! Прямо на улице разродилась, да тут же и душу Богу отдала!

— Ее младенца, что ли, за гробом несут? — спросила Прасковья.

— Его, сердешного, — всхлипнула женщина.

— Зачем же его на кладбище нести? Оставили б с родственниками дома!

— Да какие родственники! Настенька-то была круглой сиротой, у нее и дома своего не было, угол снимала, да и за него платить не могла!

— Так что же, малютка на свет сиротой явился? Еще и шагу по земле не ступил, а уже бездомный? — испуганно вскрикнула Прасковья.

— Что делать? На все воля Господня, — ответила женщина покорно.

— Ну вот что, — сказала госпожа Антонова решительно, — я усыновлю мальчика!

— Да как же ты узнала, что это мальчик? — удивилась женщина.

— Сама не знаю, — ответила Прасковья, забыв о предсказании Ксении.

Вот так и случилось, что Прасковья Антонова стала матерью, пусть и приемной. И сына вырастила хорошего — послушного, заботливого. Не в пример многим он до самой смерти заботился о своей матери и ничем ее не огорчал.

Но о хороших людях история умалчивает, их считают заурядными...

...Но немного знаем мы и о людях высокородных. Мало кто слышал о русском царе Иване VI. Молодой Петр делил трон со своим братом — Иваном V Алексеевичем. Когда брат умер, Петр I стал единоличным правителем. Но у Ивана V осталась дочь — русская царица Анна Ивановна. Она выдала свою племянницу замуж за принца Антона-Ульриха Брауншвейгского. От этого брака родился сын Иван — русский царь Иван VI. Он был провозглашен императором российским в 1740 году. Через год его бросили в подземелье, где Иван Антонович провел двадцать три года своей печальной жизни. На трон взошла Елизавета, затем Екатерина — женский век! Русский царь Иван VI

пребывал в одиночестве, которое нарушала только блаженная Ксения...

...Она возникла прозрачным контуром на серой шлиссельбургской стене, затем шагнула на плиты пола, сказала просто:

— Здравствуй, государь!

— Здравствуй, Ксения, — откликнулся Иван Антонович. — Сколько уж времени ты приходишь ко мне, чтобы подбодрить, напомнить, что я — истинный император России. Как тебе удается это? Отчего тебя никогда не видят мои стражники?

— Кто остановит блаженную? — улыбнулась Ксения. — Сама не знаю, как мне это удастся. Я только подумаю о тебе, государь, миг — и я здесь. Вот и все, что я знаю.

— А отчего ты всегда появляешься ночью? Мне-то все равно: в тюрьме что ночь, что день — все едино...

— Днем я брожу по улицам, помогаю бедным людям, — потупившись, словно признавая за собой некую вину, сказала Ксения.

— Да чем же ты им можешь помочь? У тебя и самой-то нет ничего, — удивился царь.

— Все свое я давным-давно раздала. В ином моя помощь страждущим.

— В чем же? — спросил Иван Антонович.

— Помогаю им обрести судьбу, подсказываю, как поступить, чтобы найти счастье. Счастье это, конечно, земное, проходящее. Я и сама познала его в замужестве. Думала, что будет оно вечно, а оборвалось в один миг...

— Как же ты узнаешь судьбу других людей? Не обманываешь ли их, не обнадеживаешь ли попусту?

— Врать не умею, — с обидой сказала блаженная. — Да и не смогла бы, если бы и захотела. Трудные ты задаешь вопросы, государь! Не умею я объяснять, слов ученых не знаю.

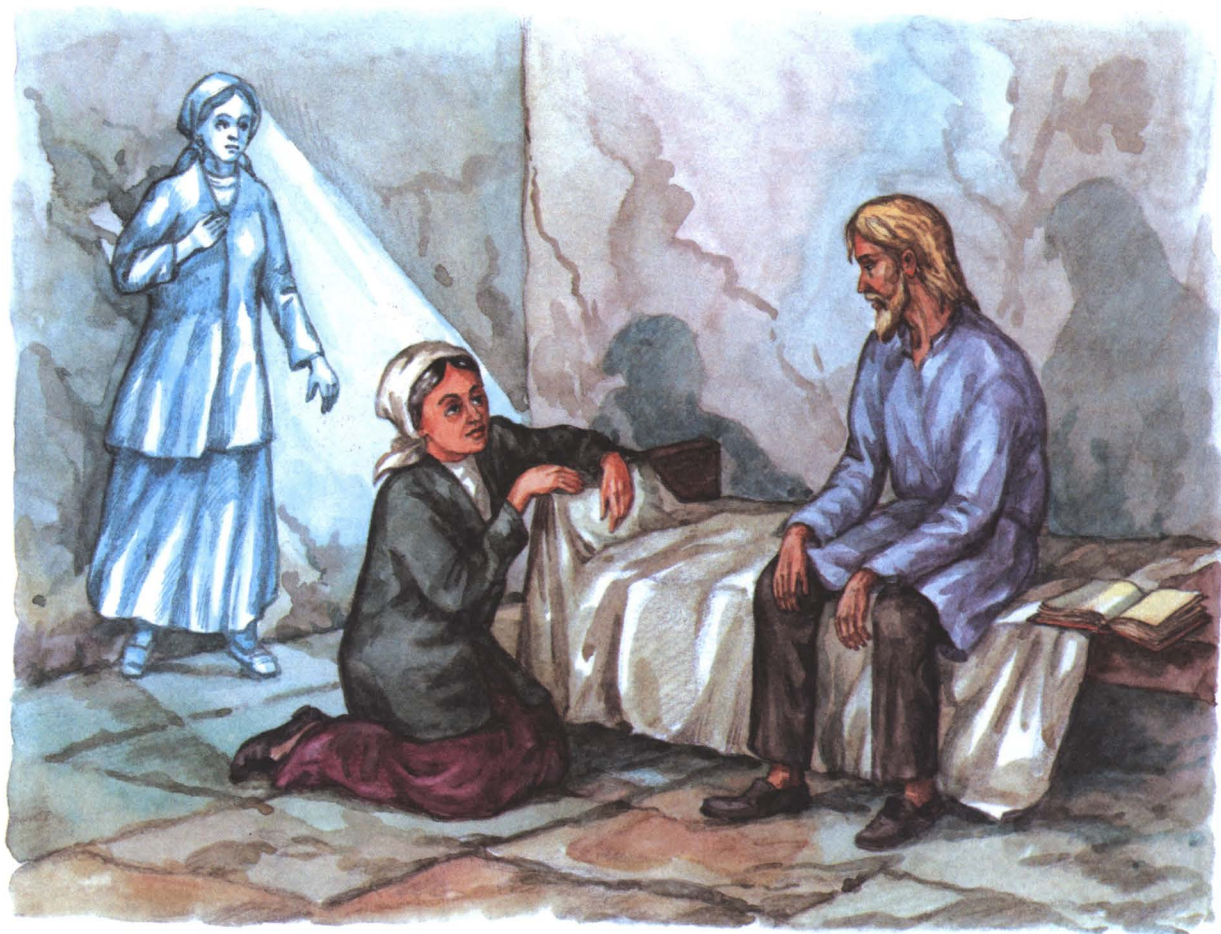

Иван V Алексеевич (1666—1696) — русский царь. В результате бунта стрельцов в 1682 году оба брата, Иван и Петр, были признаны соправителями (со старшинством Ивана) при правительнице Софье Алексевне; оба венчались на царство. Иван по болезни, как правило, не принимал активного участия в управлении государством.

В 1684 году женился на Прасковье Салтыковой и имел от нее пять дочерей: Марию, Феодосию, Екатерину, Анну, Прасковью. Скончался 22 января 1696 года.

Анна Ивановна (1693—1740) — русская императрица. Своим наследником она назначила Ивана Антоновича, сына племянницы, Анны Леопольдовны, а регентом при малолетнем императоре — герцога Эрнеста Йоганна Бирона.

— А ты по-простому скажи, как сама понимаешь, — подбодрил ее Иван Антонович.

— Попробую, — согласно кивнула Ксения. — Вдруг все становится, как в белую ночь, смутным, призрачным. А поверх этого появляется живая картинка, радостная, будто солнцем просвеченная. Картинка показывает мне, как все должно быть, чтобы счастье пришло к людям. А серая, что под ней, — как сейчас есть. Все, что на яркой картинке вижу, пересказываю людям. Пока они по моим словам не поступят, пока предсказание не исполнится, яркая картинка все стоит у меня перед глазами, не исчезает, мешает видеть. Понимаешь теперь? Ах, не умею я рассказывать! Кажется, все так просто, а пересказать не могу, премудростям не обучена!

— Да что ты! Все ведь понятно, — успокоил ее царь. — И говоришь ты ясно, не то что царедворцы! Те такого наплетут, только чтобы правду за витиеватыми оборотами скрыть! А мне предсказать можешь? Когда мое заточение кончится?

— Будет видение, тогда и расскажу.

— Ну так о других людях расскажи, как им помогла, — попросил он.

Ксения улыбнулась, припоминая недавний случай.

— Шла я, как всегда, по улице, по Петербургской стороне. Там, у храма святого апостола Матфея, в деревянных домах живут небогатые люди. Мать с дочкой, Голубевы. Дочь на выданье, красавица, скромница, умница, а жениха подходящего нет! Ну как ей помочь? И вдруг вижу: кладбище, плачет там вдовец, а рядом стоят Голубевы,

мать с дочкой, его жалеют. Всмотрелась и поняла, что дело происходит на Охте. Поспешила я к ним. Они мне рады: за стол пытаются усадить, кофе предлагают — не знают ведь, что спешить надо. Ну, я им и говорю: «Эх, красавицы мои, вот вы тут кофе варить собираетесь, а там, Маша, суженый твой жену на Охте хоронит. Беги скорей туда!»

Девушка удивляется, не может понять меня:

— Как так, Ксения Григорьевна? У меня ведь, сами знаете, и жениха-то никакого нет! А тут вы еще про какого-то суженого толкуете, да еще он жену хоронит! Ничего понять невозможно!

Ну как ей объяснить? Как рассказать, что я ее будущее ясно вижу: мужа ее, который над могилой первой жены убивается! Точь-в-точь как я Андрея Федоровича своего оплакивала. Только и сказала Голубевым: «Идите скорей!»

Послушались.

А я возле их дома осталась. Стою и вижу, как появляются они на кладбище,

подходят к молодому вдовцу, что рыдает на могиле, утешают его, как могут. И обе картинки совмещаются: как есть и как должно быть. Тут видение исчезло, и поняла я, что все сбудется — обретет Маша Голубева свое счастье.

— Да, чудны дела твои, Господи, — вздохнул царь.

Помолчали. Потом Ксения сказала:

— Пора мне, государь. Рассвет приближается, и место мое на улицах Петербурга. Может, еще кому-нибудь помогу обрести свое счастье.

— А придешь ли ты ко мне на следующую ночь? — с надеждой в голосе спросил Иван Антонович.

— Не знаю, государь, — пожала плечами блаженная.

— Не снишься ли ты мне, Ксения?

— Если тебе так легче, то думай, что снюсь, — ответила Ксения Григорьевна и, отступив в тень, исчезла из тюремной камеры.

На следующую ночь она пришла снова. Царь ждал прихода Ксении с нетерпением:

— Как я тебе рад, Ксения! Мне нужно рассказать...

— О чем, государь? — с тревогой спросила блаженная: не понравилось ей, что Иван Антонович возбужден, ходит по камере из угла в угол.

— У меня появилась надежда! — радостно воскликнул он. — Скоро кончится мое заточение, и я вернусь на трон, стану править моей Россией! Господи, Господи, слава имени Твоему! — в исступлении молился царь.

— Да что случилось-то? — с еще большей тревогой спросила Ксения.

— Один из моих охранников, подпоручик смоленского пехотного полка Василий Яковлевич Мирович, задумал вызволить меня из неволи. Он подробно объяснил свой план — все должно удался! Несомненно, промашки не будет! — быстрым шепотом, оглядываясь, проговорил Иван Антонович.

— Ах, — Ксения схватила за колынувшее сердце. — Нет, не будет так! Сердце мое подсказывает!

— Видение тебе, что ли, было? — с подозрением посмотрел на нее Иван.

— Нет, видения не было...

— Ну, так не напускай страху понапрасну! И вообще, Ксения, иди, нынче мне не до тебя! — отмахнулся он.

— Ты меня гонишь, государь? — удивилась блаженная.

— Понимай как знаешь, — сказал он и отвернулся.

Ксения исчезла — и оказалась на пустыре за городом. Там она, преклонив колени, начала молиться Богу за жизнь и здоровье русского царя Ивана VI. Но молитва не получалась, внимание рассеивалось, мешала незаслуженная обида: «Эх, племя мужское! В горе ищут у нас успокоения, а поманит их кто призрачной надеждой, так и не нужны становимся, докучаем — гнать баб прочь!» И слезы обиды текли у нее по щекам, губы шептали почти беззвучно: «За что? За что?» И вдруг, как всегда, неожиданно пришло, отвлекая от горестных дум, видение: строится на Смоленском кладбище новая каменная церковь, уже и нижний этаж возведен, кирпич завезен для дальнейших работ. Но тут дело и приостановилось: не спешили рабочие кирпич наверх поднимать — тяжело! Увидела Ксения и себя — как таскает кирпичи.

Увидела и поспешила исполнить предначертанное: всю ночь на себе кирпичи поднимала — то в подоле носила, то, перевязав веревкой, на спине. Много за ночь успела, да не все — целая гора кирпичей внизу осталась, еще не на одну ночь работы!

Так и трудилась целую неделю. Рабочие удивлялись, как это кирпичи сами наверх поднимаются? Удивлялись, но помакивали — им же хлопот меньше.

Прошла неделя, улеглась обида на Ивана Антоновича.

Вспомнила о нем Ксения и мысленно заглянула к нему в тюремную камеру. Заглянула и не удержалась от крика. Увидела, как тюремщики убивают царя: один веревкой душил, другие ножами резали. И лились на пол реки крови, до половины комнату заполняли, из-под двери просачивались. Текли красные ручьи и ручейки дальше — по улицам города, в Неву впадали, окрашивая собой ее воды!

Неизвестный художник
«Портрет императора Ивана Антоновича
ребенком с фрейлиной Юлианой фон Менгден»

Иван VI Антонович (1740—1764) — русский император, сын внуки Ивана V.

25 ноября 1741 года в результате дворцового переворота к власти пришла Елизавета. Родители Ивана VI были сосланы в Ригу, затем в Холмогоры, где и умерли. Сам Иван VI содержался отдельно от родных, с 1756 года заточен в одиночную камеру Шлиссельбургской крепости.

Имя арестанта было неизвестно даже коменданту крепости, его знали как «узника номер один». Все бумаги, монеты с именем и изображением Ивана VI тщательно уничтожались: боялись переворота в его пользу. Узника ничему не учили — он сам овладел грамотой и читал Библию. В ночь на 5 июля 1764 года подпоручик крепостного гарнизона Минович попытался освободить императора, но тот был убит своими тюремщиками.

Елизавета Петровна (1709—1761) — русская императрица, венчалась на царство 25 ноября 1741 года. Дочь Петра I пришла к власти путем государственного переворота. Свергнув годовалого императора Ивана VI, она приказала заключить его в тюрьму.

Екатерина II Алексеевна (1729—1796) — русская императрица. Вышла замуж за будущего царя Петра III в 1745 году, царицей стала 28 июня 1762 года. По ее приказу был убит ее муж, император Петр III.

Г.-Х. Гроот
«Портрет императрицы Елизаветы Петровны»

С. Торелли
«Портрет императрицы Екатерины II»

Попыталась было блаженная попасть в тюремную камеру, но будто сила какая-то отбрасывала ее прочь, не пропускала!

Побежала она по улицам, кричала вне себя:

— Там кровь, кровь! Целые реки крови!

Люди только удивлялись:

— Да где ж ты такие ужасы увидела, Ксения?

Разве расскажешь им? Как поведать, что тенью она входила в Шлиссельбургскую крепость, в камеру к царю, о котором все и думать-то позабыли! Ведь столько лет прошло, и даже все монеты с его профилем изъяли да переплавили — дочку Петрову, Елизавету, отпечатали на монетах вместо Ивана Антоновича! Кто поверит в то, что еще не случилось, но будет в скором времени, обязательно будет! Да и как говорить, когда перед глазами такое страшное видение, что язык немеет и хочется только кричать в тщетной надежде остановить насилие, не дать свершиться убийству!

Вот и металась она между не понимающими ее людьми.

Лишь три недели спустя петербуржцы узнали, что Иван VI был зарезан своими тюремщиками в ночь с 4 на 5 июля 1764 года. А подпоручик Минович схвачен и после пыток казнен.

Но что людям до смерти забытого ими царя? На троне уже восседала Екатерина II.

Ксения с трудом оправилась от горя и вновь предсказывала людям счастливые повороты их судеб. Многим она по-

И. Творожников
*«Поручик Василий Мирович у тела
 Иоанна Антоновича 5 июля 1764 года
 в Шлиссельбургской крепости»*

могла, спасла от лжи и обмана, многих излечила. Вспоминают также, как предсказала блаженная смерть императрицы Елизаветы, которую не любила, считая виновницей несчастий Ивана Антоновича. 24 декабря 1761 года Ксения бегала по улицам и, словно великую радость, возвещала:

— Пеките блины! Скоро вся Россия будет блины печь!

Люди удивлялись:

— Какие блины на Рождество? Ведь не масленица?

На следующий день узнали: дочь Петра I, императрица Елизавета, скончалась. И, поминая ее, народ пек блины...

...Скончалась Ксения Петербургская в 1802 году. 45 лет своей жизни она посвятила служению людям, подвигу блаженства. Старенькая и слабая телом, она вы-

Мирович Василий Яковлевич (1740—1764) — подпоручик смоленского пехотного полка, потомок древнего малороссийского рода. Попытался освободить «узника номер один» Шлиссельбургской крепости, когда узнал, что это законный русский император Иван VI. Штурмом, под угрозой стрельбы из пушек, взял крепость, но получил лишь тело царя, зарезанного тюремщиками. По приговору Сената Мирович был казнен 15 сентября 1764 года. О его подвиге писатель Г.П. Данилевский написал роман «Мирович».

держивала проливные дожди и пронизывающие до костей петербургские ветры. В легкой кофточке ходила по улицам города в трескучие морозы, когда на лету замерзали птицы и простужались тепло одетые люди.

71 год ей был, когда она ушла в тот мир, куда так стремилась ее душа.

СОДЕРЖАНИЕ

«Россия — навсегда!».....	2
Василий Блаженный.....	3
Яков Брюс — «русский Фауст».....	14
Русский Амель.....	26
Ксения Петербургская.....	37

Виктор Иванович Калашников

Предсказатели и пророки

Для младшего и среднего школьного возраста

Эта книга о судьбах четырех наших соотечественников, наделенных особым даром — провидеть будущее. Жизнь Василия Блаженного, Якова Брюса, монаха Амеля и Ксении Петербургской овеяна легендами.

Художник Александр Иванович Чаузов

Издательство «Белый город»

Директор К. Чеченев
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Редактор Л. Жукова
Научный редактор В. Михайлов
Корректурa Н. Старостина
Компьютерная верстка: С. Карпачева
Сканирование: О. Кругова

ISBN 5-7793-0504-8

Лицензия ИД №04067 от 23 февраля 2001 года

Издательство «Белый город»,
111399, Москва, ул. Metallургов, 56,
тел. (095)176-91-09, 176-91-04, 176-94-63
E-mail: belygorod@mail.ru

Оптовые поставки — фирма «Паламед»,
111399, Москва, ул. Metallургов, 56,
тел. (095)176-68-95, 176-91-09, 176-80-97,
176-91-04, 176-94-63, 288-75-36, (812)265-40-65
факс 176-68-09

E-mail: palamed@aha.ru

Розничная продажа:
Торговый Дом Книги «Москва»
Москва, ул. Тверская, 8

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Дата подписания в печать 20.06.2002
Гарнитура SchoolBook; печать офсет,
формат 84×108, 1/16.
Тираж 7000 экз.
Заказ № 0207260.

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

ИСТОРИЯ РОССИИ

Эти книги, рекомендованные Министерством общего и профессионального образования РФ для дополнительного образования, признаны лучшими детскими книгами 2000 года.

Готовятся к выпуску:

НИКОЛАЙ I
РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ
ВОЙНА НАРОДНАЯ
СВЯТЫНИ РОССИИ

НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ
ВЛАДИМИР МОНОМАХ
КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ
МОСКОВСКИЕ СВЯТЫНИ

ISBN 5-7793-0504-8

9 785779 305044

ИСТОРИЯ РОССИИ

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ И ПРОРОКИ

ГОРОД
БЕЛЫЙ

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ И ПРОРОКИ

Василий Блаженный молился обо всех русских людях, о будущем России

Граф Яков Брюс — ученый, военный, дипломат

«Напиши книгу пророчеств!» — приказал Павел I Авелю

Василий сразу разгадал хитрость мошенника, притворившегося мертвым

Полетел над Москвой Яков Брюс на построенной им железной птице

В России пророки предсказывали будущее, как и Нострадамус в Средневековье

Святая Ксения Петербургская

Икона «Святой Василий Блаженный»

